

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ФРАНЦУЗСКИЙ ТРОФЕЙ

ДЖЕКИ БОНАТИ

Французский Трофей

Джеки Бонати

Французский Трофей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бонати Д.

Французский Трофей / Д. Бонати — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Французский Трофей)

Что может заставить юную княжну из уважаемой семьи отправиться на войну? Любовь? Нет уж, скорее чувство долга. Но война всегда оставляет свой след, неизменно влияет на твою жизнь. Но что делать, если тебя вообще не должно там быть? Что, если на войне ты — другой человек? И что делать, если ты влюбилась во врага? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Каждый родитель любит своих детей, и надеется, что они не будут доставлять много хлопот, и, главное, что судьба будет к ним благосклонна, но, в конечном итоге, все происходит совсем иначе.

Женевьева Воронцова происходила из старого княжеского рода. Московский костяк дворянства, крепкая семья, влиятельные родственники. Счастливое семейство, так похожее на многие другие, но кое в чем все же отличающееся. Помимо Женевьевы в семье было еще двое братьев и две сестры, и Ева была младшей, поэтому ей разрешали все, включая занятия медициной, которые считали до поры до времени милой причудой.

Ее отец тоже был большим оригиналом, любил хорошие шутки, и однажды на домашнем празднике Женя – отец предпочитал в домашнем кругу величать дочь именно так – нарядилась пареньком, стремясь перещеголять всех в своей выдумке. Мать едва пережила коротко остриженные кудри, но все признавали, что в высокой, тощей и чуточку нескладной барышне было на вид куда больше от мальчишки. Так появилась домашняя шутка про третьего сына Воронцовых – Костеньку.

Женевьеве такой расклад нравился, это позволяло ей заниматься тем, чем действительно хотелось – можно было ездить верхом в штанах, в черкесском седле, а не в дамском. Братья научили ее пить, курить, ругаться, но, разумеется, все это делал Костенька, а не Ева. И Костеньке не нужно было носить корсет, можно было читать все, что душе угодно, и даже поступить на учебу. До поры до времени все это казалось придурью, глупостью, все были уверены, что вот-вот юная княжна возьмется за ум, бросит детские игры, и выйдет замуж.

Но когда Женевьева, а точнее Константин Воронцов блестяще сумел поступить в военно-медицинскую академию, и закончить ее с отличием, родители поняли, что их милая дочь выросла и дала им поводы для гордости и беспокойства. Не без помощи братьев Константин Воронцов обрел плоть на бумаге, у него имелся диплом и все прочее, и отцу пришлось согласиться. Мать же пришлось отпаивать валерьянкой. Впрочем, несмотря на свою новую личность, княжна не пользовалась вседозволенностью, родителей почитала, сестер любила, а с братьями была дружнее, чем с сестрами.

В конечном итоге, родители смирились. В свет выходили и Женевьева, и Костя – одна сопровождала сестер, второй – братьев. И это было даже удобно – Костенька всегда был гласом рассудка, берег братьев от необдуманных поступков, и все его считали очень тихим, застенчивым и желали ему побольше напора, чтобы и девушку подходящую найти, чтобы жениться, да и вообще в жизни устроиться. Ева только посмеивалась, и кивала, отговариваясь от пожеланий доброхотов своей любовью к медицине. Ведь так оно и было – ее совсем не прельщали мысли о замужестве, она понимала, что мужчине в этом мире дозволено гораздо больше, и пыталась урвать себе хоть кусочек свободы. Пусть и в такой странной манере.

Именно таким образом она и оказалась в тот вечер в салоне Голицыной. Костенька сопровождал друга и брата, удерживая их в рамках приличий, когда они дружно заявили, что им нужно развеяться, проветрить мозги, да и из сестры вытрясти книжную пыль. Несмотря на протесты матери, которая считала, что это неприлично, девице на выданье вести себя подобным образом, неожиданно отец встал на сторону Жени, сказав, что это прекрасная возможность понаблюдать за мужчинами изнутри, а там, глядишь, и мужа себе приглядит, и на самодура не нарвется. А уж братья не дадут в обиду, если что вдруг.

Как и ожидалось, все время пребывания их в Петербурге было посвящено визитам, охоте, поездкам на чай, в модные салоны и бог знает куда еще. Женевьеве это было не очень интересно, но отказать брату Мише и их другу Саше она не могла. У юной княжны, как и у всех

студентов-медиков была замечательная отличительная черта, которую она тщательно скрывала от матери – она могла выпить куда больше всех остальных и остаться в здравом уме и твердой памяти. Так что именно ей приходилось заталкивать пьяных в стельку кутил в экипаж и везти утром домой.

На вечер к Голицыной они попали случайно, опять же благодаря связям и знакомым. Что Миша, что Саша были уже порядочно подшофе, но на пороге у Голицыной словно чудесным образом протрезвели и занялись тем, что очаровывали всех присутствующих там дам. Сама же Женестьева, а, точнее, на этот вечер – Костя, взяв бокал вина, чтобы занять руки, устроилась в уголке, не желая привлекать к себе внимание. Придворные сплетни ее не касались, в политике она откровенно не разбиралась, а обсудить с кем-либо новый анатомический атлас Карсуэлла не представлялось возможным.

В Россию виконта Этьена Де Мореля привели дела его семьи. Испокон веков они владели многочисленными виноградниками, и еще в 16 веке при Генрихе Четвертом предок Этьена получил графский титул за поставки вина прекрасного качества к столу короля.

Но с середины 18 века прадед Этьена решил расширить свои поставки, и его вино активно стала закупать Российская Империя. Именно эти дела и привели юного виконта в страну морозов, хотя он и собирался делать военную карьеру, но просто не мог отказать приболевшему отцу.

И, разумеется, княгиня Голицына, узнав о прибытии в Петербург такого гостя, не могла не позаботиться о его завлечении в свой салон, а Этьен, занятый налаживанием разного рода связей, не мог не принять такого приглашения. Поэтому едва он прибыл, как Дом на Миллионной улице встретил его светом многочисленных канделябров и услужливостью вымуштрованных слуг.

Поначалу Этьен чувствовал себя не вполне уверенно – младший лейтенант армии Его Величества Наполеона Третьего не был желанным гостем в России, в свете политики Николая Первого против французского императора и конфликта между ними, да еще и на религиозной почве. Но отец смог убедить юного виконта, что надо уметь разделять экономическую выгоду и политику, поэтому в Российскую Империю он отправился в гражданской одежде, никак не афишируя свою военную принадлежность, а в разговорах о возможной войне предпочитал сохранять нейтралитет. В конце концов, молчание – золото.

Вот и на вечере княгини Голицыной он, будучи представленным всем гостям, в данный момент предпочитал оставаться в стороне, наслаждаясь прекрасным, что характерно, крымским игристым вином, которое раньше он всерьез не воспринимал. Он присматривался к гостям на предмет дальнейших договоренностей о сотрудничестве, и тройку новоприбывших Этьен оценил взглядом и сразу отметил как потенциальных партнеров по бизнесу – типичные гуляки, приехали развлечься с юными девицами, а может и продолжить вечер с наиболее доступными из них. Виконт их не осуждал – раньше в родном Бордо зимой, или в Париже – летом он и сам не гнушался таких развлечений, но пока это все осталось в прошлом, по крайней мере, до возвращения в расположение части.

Его немного удивило, что один из троих сразу отделился от друзей, по виду, самый юный из них. Казалось бы, юноша должен быть жаден до женского общества, но, видимо, оно его вообще не интересовало. Он устроился в уголке, размышляя о чем-то своем, и на первый взгляд он показался Этьену совсем юным, желторотым птенцом, с гладкими щеками и шапкой кудрей.

Так или иначе, и среди прочих гостей потенциальных компаньонов Этьен не увидел, поэтому решил, что юноша подойдет на роль собеседника.

– Позвольте? – спросил виконт, подойдя к нему и указав бокалом на пустую часть кушетки.

Глубоко погружившись в свои мысли, Женестьева не сразу поняла, что обращаются к ней, а спохватившись, тут же кивнула, легко вживаясь в свой образ Костеньки.

– Разумеется. Присаживайтесь, – ответила она. – Константин Воронцов к вашим услугам, – представилась она, как и полагалось.

На мгновение Этьен замялся, не зная, как отрекомендовать себя – юноша не назвал своего титула, хотя было очевидно, что у княгини Голицыной собираются только дворяне. В итоге и он решил ограничиться именем.

– Этьен де Морель, – представился виконт и опустился на кушетку. – Рад знакомству.

Ева отсалютовала ему бокалом и не сводила взгляда со своих напропалую флиртующих друга и брата, казалось, про нее совсем забывших.

– Какими судьбами в России? – не могла не поинтересоваться Женестьева, взглянув на француза.

Вопрос Этьена не удивил, хотя все разговоры велись по-французски, его выговор, разумеется, отличался от привычного здесь.

– По торговым делам семьи, – не стал скрывать он. – Мой отец попросил меня приехать и встретиться с нашими старыми партнерами, а также найти новых для расширения поставок вина в Российскую Империю.

– Вот как. Что ж, мой друг Александр и его семья занимается торговлей. Он сейчас облизывает руку княжны Волконской. Думаю, вам будет полезно познакомиться. Как только он протрезвеет, я представляю вас друг другу.

Услышав это, Этьен тихонько прыснул – все в рамках приличий, и отвел взгляд от молодого мужчины, о котором сказал Константин.

– Буду вам очень благодарен, – он вытащил визитку и протянул ее новому знакомому. – Я снимаю номер в Бристолe. Полагаю, вашим друзьям понадобится отдых, посему завтрак не предлагаю, но буду рад встретиться с вами за обедом. Местный повар великолепно готовит перепелов.

Женестьева улыбнулась и кивнула. Отдых ее брату и другу понадобится, равно как хорошая порция сельтерской с утра.

– Я передам ваше приглашение. Но, боюсь, мы с братом присоединиться не сможем, завтра мы должны отбыть в Москву, на семейное торжество. А Аликс составит вам компанию, и вы сможете обо всем переговорить. Подождите минутку, я все-таки его приведу. – Княжна отставила пустой бокал и подошла к другу, галантно уводя его от его поклонницы.

– Александр Войницкий-Смирнов, светлый князь, граф и наследник своего отца, светлого графа Владимира Алексеевича. – Даже будучи пьяным, Саша прищелкнул каблуками и представился по всей форме.

– Не стоит, месье Воронцов, – хотел было попросить Этьен, но его собеседник уже ушел за другом, и ему осталось лишь подняться на ноги, чтобы познакомиться с потенциальным компаньоном. – Виконт Этьен де Морель, – представился он, вовремя прикусив язык и опустив часть о том, что он лейтенант армии Его Величества Наполеона Третьего. – Ваш друг, месье Воронцов, любезно отрекомендовал вас, как человека, с которым мы можем найти общий экономический интерес. Не окажете ли мне честь встретиться завтра в Бристолe в два или в три пополудни?

Глаза у Аликса тут же сверкнули, и он кивнул. Отец натаскал его на подобные дела очень даже хорошо. Так что даже беспробудное пьянство и подобные увеселения не могли помешать ему вспомнить о делах.

– Ну, разумеется. С удовольствием отобедаю с вами, и, надеюсь, мой друг Костя не ошибся с рекомендацией, – кивнул он.

– Я тоже искренне на это надеюсь, – ответил Этьен и наклоном головы поблагодарил Женестьеву, прежде чем вручить Александру свою визитку, после чего обратился к обоим дру-

зьям. – В карточке указаны адреса наших домов в Бордо и в Париже, я буду рад встрече, если вы почтите вниманием мою родину и с удовольствием приму вас в своем доме.

Женевьева кивнула, а Саша, обменявшись визитками, наконец-то сдался алкоголю, закатил глаза и рухнул на руки княжне.

– Боюсь, нам придется откланяться, – пропыхтела она новому знакомому. – К завтрашнему дню он будет в порядке, уверяю вас, – Ева попрощалась, прежде чем откланяться и передать Сашу на руки подросшему Мише.

– Рад был познакомиться, – Этьен посмотрел на Александра с легким беспокойством, но увидев, что Константину есть, кому помочь, выдохнул и позволил себе немного расслабиться.

Здесь ему не были доступны те развлечения, которые он предпочитал дома, во всяком случае, не в этом обществе, поэтому он, дабы не разочаровать княгиню, уделил внимание ее гостям, попутно формируя достойное мнение о французских мужчинах.

Ева с Мишей успешно погрузили Сашу в экипаж и благополучно доставили его домой. Там Женевьева как медик, оказала ему первую помощь при алкогольном отравлении и уложила спать.

– Он будет в порядке. – улыбнулась она Мише. – Федя вещи все уложил? На поезд бы не опоздать утром.

– Не переживай, сестренка, – Мишель потрепал ее по волосам и улыбнулся, уводя из комнаты друга. – Мы успеем на поезд и прекрасно доедем. Иди, отдыхай, я скажу Федору, чтобы присмотрел за Аликсом.

– Честно говоря, в голове не укладывается, что малышка Аня уже помолвлена и выходит замуж. – сказала она, выйдя с братом в коридор и уходя в свою комнату. – А у тебя?

– Между прочим, кое-кто тут младше Ани, – рассмеялся Михаил, провожая сестру. – Но, чувствую, я обернуться не успею, как и твое трепетное сердце приберут крепкие мужские руки.

– А кто твоё-то приберет? – засмеялась она. – Тебе надо остепениться раньше, чем мне. Отец уже о внуках говорить начал. Так что подыскивай даму сердца, пока этим не занялась мама.

– Подыщу, не переживай, – он щелкнул сестру по носу и рассмеялся. На самом же деле, в свете разговоров о грядущей войне, Мишель совершенно не хотел спешить с этим.

– Доброй ночи, Ева, – пожелал он, остановившись у своей комнаты.

– Храни тебя Бог, Миша. – Она поцеловала брата в щеку и ушла к себе в комнату. Умывшись и раздевшись, она улеглась в постель и тут ощутила, что и сама много выпила, и как к стати отдых перед дорогой домой. И все же мысли о возвращении ее тяготили, там снова нужно будет делать одолжение матери – не пренебрегать корсетом, забрать у портнихи заказанные наряды, снова часами выслушивать, что пора бы уже бросить глупости и задуматься о замужестве.

Сегодня вечером, как и все время, проведенное в Петербурге, Ева чувствовала пьянящую сильнее вина свободу. Когда не нужно кокетливо стрелять глазами в кавалеров, слушать сплетни других девушек, играть в их подковерные игры. Когда можно было на равных говорить с другими мужчинами, спорить, отстаивать свое мнение, и видеть одобрительные кивки.

Как девушку ее будут воспринимать только за ее красоту, и то, на недолгое время. Потом, возможно, как жену и мать, и до ее ума уже никому не будет дела. Но Женевьева понимала, что рано или поздно ее игре и ее жизни в качестве Константина Воронцова придет конец. Но лучше бы он не наступал как можно дольше.

На следующий день, пока Ева и Миша ехали в Москву, Этьен и Саша встретились в Бристолле, как и было оговорено. Поначалу это была светская беседа, приятная компания за обедом, и разумеется, разговоры о вине. Долгие, и подкрепленные дегустацией пары бутылок.

В конечном итоге, как и надеялись обе стороны, встреча в Бристолле прошла весьма продуктивно, Этьен остался очень доволен достигнутыми договоренностями и буквально через

пару дней выехал обратно в Париж, чтобы сообщить отцу прекрасную новость – это был один из самых выгодных контрактов на поставки за последние несколько лет.

Но там его ждала другая весть – Наполеон Третий отправил свою эскадру в Эгейское море из-за притязаний Российской Империи, и Франция вступила в коалицию с Англией. Началась война. Война, которая перевернула весь шаткий, но все же порядок, отменила все договоренности и обозлила людей, которые вчера пили брудершафт. Сегодня они сражались друг против друга.

Вести о войне случились так неожиданно, что едва не испортили всю свадьбу Анечке. Гости приехали в поместье на неделю, празднества планировались пышные, чтобы и вся жизнь у молодых сложилась хорошо. И вот это известие поразило всех. Уже на следующий день пришли письма от имперской канцелярии с сообщением о том, что всех сыновей князя Воронцова призывают в ряды Второго Московского Конного Полка. Всех, включая и Константина Воронцова. Так шутка с выправленными документами обернулась против них самих.

С княгиней едва не случился удар от этих новостей. Если старшего, Ивана, который шел по военной стезе, она отправить на фронт могла, ибо смирилась с этой мыслью давно, то Мишеньку, а тем более Еву, ей отпустить от себя было очень тяжело. Точнее, почти невозможно.

– Но мама, я должна быть там! – уговаривала ее Женя. Матушка была на успокоительных каплях и требовала от отца, чтобы тот задействовал свои связи. – Я должна помогать раненым, спасать их жизни, понимаешь?

– Нет, ты должна помогать мне! Война это не женское дело! Эта шутка слишком далеко зашла, я категорически требую, чтобы все это прекратилось немедленно! – с истерическими нотками в голосе воскликнула княгиня Воронцова и потребовала от горничной Маруси снова накапать ей капель, а еще дать нюхательные соли и вызвать доктора для кровопускания. О том, что ее дочь – дипломированный врач, да еще крайне негативно относящийся к подобным методам, она по причине стресса забыла. А может быть, назло ей хотела доказать, что своими действиями Ева загоняет мать в гроб и ставит под удар репутацию семьи.

– Я не могу отправить на войну с этими оголтелыми головорезами всех своих сыновей! А ты требуешь, чтобы я еще отпустила и дочь! – княгиня интересовалась политикой весьма поверхностно и полагала, что Османскую империю населяют едва ли не мартышки, коих демонстрировали в зоопарке прошлым летом.

– Помогать тебе в чем? – вздохнула Ева, пытаясь понять, как же ей разговаривать с матерью. – Понимаешь, это мой долг. Помогать Родине, защищать ее хоть так, как я могу это делать, это мой врачебный долг. Я давала клятву Гиппократа, мама. – Она целовала ее руки и гладила холодные пальцы. – Там я принесу пользу, а здесь буду сидеть и понимать, что училась я зря.

Слушать мать отказывалась, она ругалась, рыдала и причитала, и лишалась чувств.

– Если все матери оставят своих сыновей дома, то что будет с нашим отечеством? – спросила Ева, отчаявшись. – Если на поле боя не будет врача, чтобы помочь раненым, сколько из них не вернуться домой? Папа воевал с французами, у нас судьба такая, защищать вас. – говорила она, пытаясь хоть как-то воздействовать на нее.

Урезонить супругу удалось только князю Воронцову. Он смог спокойно и доходчиво объяснить ей, что сыновья, покидая сейчас матерей и жен, защищают их от вторжения захватчиков. И, что по воле судьбы невинная шутка, а после и их попустительство привело к тому, что по всем бумагам действительно существует Константин Евгеньевич Воронцов, врач, призванный на службу, и что, если он не явится, его сочтут дезертиром и арестуют. Если их многолетний обман вскроется, поднимется скандал, какого светский Петербург и Москва не забудут никогда. Девица притворялась мужчиной, посмела закончить академию, и водила всех за нос.

– Наша дочь либо погибнет на войне, либо будет уничтожена скандалом. Как и ее сестры. Наша семья не оправится, увы, здесь мы сделать ничего не можем, – попытожил князь. – Но может сложиться и так, что она вернется живой, и действительно принесет пользу.

Разговор был долгим, наполненным слезами княгини и обращениями князя к бренди, но наутро она все же вышла к детям и благословила их, повесив каждому на шею именной образок с изображением ангела хранителя. Князь не позволил ей одеться в траур, дабы не накликал беду, но наряд ее был не в пример скромнее обычных.

Что и говорить, из колеи были выбиты все. Только Иван, всегда собранный, строгий и по-военному мыслящий, был на своем месте. Миша был подавлен, но вида не подавал, в мундире смотрелся словно для него родился, и подбадривал сестер и мать. Женева в своем мундире выглядела, наоборот, странно. Ее кудри пришлось остричь еще короче, она смотрелась совсем юнцом, на бледном лице выделялись только прямые и темные брови, сейчас нахмуренные. Ее саквояж с инструментами всем мозолил глаза, лишний раз напоминая, куда они едут. А отец в последний вечер перед отъездом позвал младшую дочь в библиотеку, налил обоим коньяка и попытался подготовить Женю к ужасам и грязи войны.

– Я не буду скандалить, как мать, моя дорогая, но ты должна знать, что сердце у меня за тебя болит. – Отец вздохнул, глядя в бокал, словно там были все ответы. – Я не знаю, как помочь в этой ситуации, и моя вина в случившемся. Ведь я потакал тебе и братьям.

Ева молчала, не зная, что и ответить на это. Все ее красноречие кончилось в бесконечных спорах с матерью, и сейчас, когда она все чаще думала о неизбежном, оно начинало ее пугать.

– Война – это страшно. – Прямо сказал князь. – Это не героические баллады, это, в первую очередь, смерть тысяч людей. И тебе предстоит самый трудный бой, это бой со смертью. За каждого солдата, которого ты будешь пытаться выцарапать из ее ненасытной пасти. И при этом тебе нужно помнить, что если тебя раскроют, если все узнают о твоём обмане, то я даже представить не могу, чем это обернется для тебя, и для семьи, – князь сделал глоток коньяка.

– Я знаю, папа, – Женя накрыла его руку своей. – Я обещаю, я сделаю все, чтобы вернуться живой. И приложу все усилия, чтобы ты гордился мной. – Она сползла на пол и встала на колени перед отцом, целуя его руки. – Видимо, судьба у меня такая, а ты уж береги маму и остальных. Все на тебе держится, – попросила она, стараясь удержать слезы. Не хватало еще распуститься здесь, показать, какая она трусиха внутри.

Отец только вздохнул и прижал к себе ее голову, глядя по завиткам и надеясь, что это не последний их вечер в библиотеке.

Но день прощания, как бы его все не отдаляли, неумолимо наступил. Радовало хотя бы то, что до Одессы они могли добраться все вместе, на поезде, а уже оттуда поступали в распоряжение командиров своих полков. Вот тут князь Воронцов, да и Иван, бывший уже на хорошем счету у командования, употребили все свое влияние, чтобы Воронцовы служили в одной части, пусть и в разных полках.

На вокзале княгиня, Анечка и Маруся, взрастившая всех детей князя, не таясь, утирали слезы. Попрощавшись, когда князь решительно заявил "долгие проводы – лишние слезы", они сели в поезд, а княгиня все крестила воздух, бормоча молитву и вздыхая. Женева было тяжело видеть ее такой, но отворачиваться она не стала, а поезд все набирал ход, пока, наконец, перрон не скрылся из виду, и все выдохнули.

– Война, – пробормотала Ева, поглядывая на свой саквояж. – Саша писал, что его тоже призвали. В Петербургский полк.

– Может, свидимся еще там, – задумчиво предположил Мишель, прикуривая тонкую папиросу. Разговор не клеился, все были погружены в себя, и всех пугал не только сам факт близкой войны, но и то, что сейчас с ними на фронт ехала их младшая сестра, переодетая

мужчиной. Миша смотрел на нее и пытался понять, как им удавалось так долго обманывать всех, ведь кто угодно поймет, что это девчонка. Худая, резковатая, но все же девчонка.

До Одессы им предстояло ехать трое суток, а там, поступив в распоряжение командующих своих полков, отправляться в дунайские княжества, либо Молдавию, либо Валахию, которые приказал занять Император.

– Возможно, Государь еще договорится с Османским султаном, – Михаил уговаривал то ли себя, то ли младшую сестру, которая стояла с потерянным видом, держась за стремя своего коня, чтобы скрыть дрожь в руках, прежде чем сесть и отправиться в долгий переход до точки назначения.

Но Миша ошибся. Императору не удалось договориться с турками, и, в итоге, они прибыли к местам своих расположений точно в срок начала обстрелов. Даже Иван, сопроводив их, должен был отправляться в ставку командования и был не на шутку обеспокоен.

– Никакой учебки, никаких лагерей. Боже, что творится, – вздохнул он, попрощался с братом и сестрой, и уехал. Ева и Миша остались одни, переданные на попечение их командующего – князя Милютина. Тот выделил поручика, который должен был проводить Женевьеву к их главному военно-полевому хирургу.

– Свидимся, Миша. Стрельба поутихнет и пойдем кутить, – тревожно улыбнулась Ева. – Под пули только не лезь, хорошо? – попросила она.

– И ты будь осторожен, Костя, – Мишель обнял сестру, опасаясь, что их обман раскроется, сильно тревожась за нее – не место здесь было юной, еще не распробовавшей жизнь Женевьеве. Ее невинные глаза казались ещё больше, а щеки, покрытые легким персиковым пушком, чуть ли не по-детски пухлыми. – Храни тебя Господь, – прошептал он, прежде чем отпустить сестру.

Ева поцеловал брата в щеку и пошла за поручиком, оглянувшись на брата, крепко сжимая ручку саквояжа. Внутри нее нарастала дрожь, беспокойство и тревога. Она понимала, что с того момента, как она окажется в шатре лазарета, на ее плечи ляжет огромная ответственность за всех раненых, попавших сюда.

Главный хирург сразу понравился Жене, а та, по-видимому, понравилась ему.

– Корнет Воронцов, прибыл в ваше распоряжение, – отрапортовала она, стараясь сделать голос пониже, представ перед крепким мужчиной лет пятидесяти, но уже почти полностью седым. – Окончил военно-полевую академию с отличием, врач общей практики, хирург, – добавила она, ощущая внутреннюю дрожь и пытаясь ее скрыть.

– Подполковник Михайловский, – представился главный врач, с деликатным интересом рассматривая и оценивая своего нового подчиненного. – Но я чинов не люблю, поэтому обращайтесь ко мне Андрей Ионович.

Молодой хирург напомнил ему самого себя лет этак сорок назад. Было видно, что на войну его привели не романтические представления, а чувство долга. Но легкий испуг отчетливо плескался в широко распахнутых глазах. Непокорные кудри вились, обрамляя совсем юное лицо, но твердая линия подбородка добавляла мужественности парнишке.

– Катенька, – он перехватил какую-то медицинскую сестру. – Это наш новый хирург, корнет Воронцов. Корнет, это наша старшая сестра, Катерина Николаевна. Катенька, покажите любезность, покажите корнету наши владения.

Катенька оказалась дамой суровой, командующей стайкой молоденьких сестер милосердия, которые, как и она, были одеты в белую форму, с наглухо убранными под монашеский клубок волосами. Называть ее Катенькой у Ева язык не поворачивался, и она стала для княжны Екатериной. Вообще, неуместность женщины на войне сразу ударила ее под дых, и все эти девочки, так похожие на ее сестер, пока не поняли, куда попали, тихонько щебетали и иногда

хихикали в своей особой манере. Ева могла бы быть среди них, не будь всего этого фарса. Подчинялась бы Екатерине, боялась бы ее и сердобольно ухаживала бы за солдатами.

Эта картина так четко встала перед глазами, что Ева нетерпеливо мотнула головой, отгоняя ненужные мысли. Никаких сестер милосердия. Никаких слез над ранеными, никаких истерик. Еще никогда в жизни Женеьеве не было так сильно необходимо быть женщиной, как сейчас.

Екатерина показала ей все, что тут и как, а потом отвела в ее палатку, где она и начала обживать. Закончив, и взяв саквояж, она снова пришла к своему начальнику.

– Пока у нас, спасибо Господу, дел тут немного – офицеры, бывало, пошаливали, но теперь, – Михайловский замер и прислушался к далёкой канонаде, – но скоро все может измениться... и изменится. Пока можете осмотреть ящики, чтобы знать расположение инструментов, – предложил он и добавил, что будет в своем кабинете – приспособленном под это закутке палатки.

Ева кивнула, пристроила свои инструменты, заняв несколько лотков, и впервые среди этого порядка, приправленного запахом карболки, ощутила себя на своем месте. Несгораемый шкаф был отведен под аптеку, и ключи от него хранились у Михайловского и Екатерины, но Еве тоже пообещали сделать дубликат. Через час прозвонил колокол к ужину, и Васька – слуга Михайловского, принес еду прямо в палатку, проворно накрыв стол на двоих в кабинете главного врача. Екатерина со своими подчиненными куда-то исчезла, видимо, они ели в другом месте. Ева присела за стол, а главврач тут же вытащил флягу, и княжна поняла, что сейчас и начнется знакомство уже как следует.

Металлические стопки врач наполнил чистым спиртом и лишь для вида плеснул воды туда же, но потом налил воды еще в кружки – сам он давно научился не запивать, но спаивать так уж сразу новичка не хотел.

– Вас стрелять-то научили, Константин? – спросил он чуть устало, зная, что на войне всякое бывает – и врачам приходится под градом пуль, отстреливаясь, пробираться к раненому и нередко оказывать помощь прямо на поле боя.

Ева вздохнула и кивнула, взяв стопку. Она мысленно пожалела свою печень, но понимала, что на войне иначе никак.

– Научили, Андрей Ионыч. Стреляю и в седле держусь неплохо, фехтую тоже. Похуже братьев конечно, но мое дело иное, чем у них, – ответила она скромно. Ваня их с Мишей научил хорошо, порой доходя до фанатизма. И только теперь Ева оценила всю важность этих уроков.

– И то хлеб, – кивнул хирург и, отсалютовав стопкой, опрокинул её в себя, даже не поморщившись. – А у вас, значит, братья есть? – спросил он, неожиданно ощутив щемящую тоску в груди – его старшего брата, Петрушу, унесла война 1812 года, да глупо так – ранение было плевое, а помощь оказать не успели. Это и стало для юного тогда Андрея определяющим в выборе профессии.

– Ваше здоровье. – Ответно подняв стопку, Ева залпом хлопнула ее и не запила, а на закуску взяла ломтик балыка, видимо местного и хорошо приправленного. В глазах хирурга она увидела промелькнувшее уважение.

– Это не первая ваша кампания? – спросила Ева, пока Андрей Ионович разливал по второй.

– Да, первая в двадцать восьмом году была, – кивнул врач, положив себе на кусочек черного хлеба балыка и сверху посыпав зеленым лучком. – Я тогда вашего возраста был. Под Каре много наших ребят полегло, но крепость мы заняли, – он задумчиво прикрыл глаза, но потом дернул плечом, отгоняя призраки прошлого. – За жизнь, Костя! – предложил он тост, взяв стопку.

– За жизнь, Андрей Ионыч. – поддержала тост Ева. Больше не пили – трясущиеся руки и туман в голове хирургам ни к чему. Приступили к горячему, плотно ужиная, и разговаривая

уже на медицинские темы. Андрей Ионович обещал показать несколько новых, им самим придуманных швов, а Ева привезла всю подшивку Ланцета и обещала ему дать почитать.

Недели две было относительное затишье, и самым страшным случаем было ранение одного офицера во время чистки ружья, да и то совершенно дурацкое – он уронил шомпол на землю, отвлекся, а потом сам же на него и наступил, за что в последствии загремел на гауптвахту, но вначале получил медицинскую помощь.

Глава 2

Уже в октябре, после объявления Турцией войны, русская армия перешла Дунай, и началась кампания по захвату Силистрии. Стали поступать раненые.

Женевьеву подняли на рассвете. Михайловский уже был на ногах, в фартуке и с очками на носу.

– Раненые? – перепугавшись, спросила Ева, запрыгивая в штаны. В палатке с врачом были еще двое новых, таких же желторотых и перепуганных фельдшеров. Застегнув рубашку и надев подтяжки, Ева еле-еле застегнула фартук, схватила саквояж с инструментами и бросилась следом за Андреем Ионовичем.

– Да, Костя! На первом столе пулевое в ногу, на втором в голову, сам возьму, – четко и резко распорядился Михайловский. – Остальными пока девочки займутся, эти самые срочные. Не зевай, Константин! Каждая секунда на счету, – подбодрил он и скрылся за ширмой, за которой было тихо. Костин пациент стонал и звал маменьку – молоденький совсем.

Ева приготовилась уже к самому страшному, раздробленный сустав или кость, и ампутация в перспективе. Но в итоге пациенту повезло, пуля застряла в мышце, не задев даже крупных сосудов. Засучив рукава и вымыв руки, а затем и облив их спиртом, Ева внезапно ощутила трезвость ума, и странное хладнокровие. Ей достался один фельдшер, бледный и трясущийся, но исполнительный. Примерно за час операцию удалось завершить, а извлеченную пулю Ева оставила себе на память о первой операции.

На очереди была ещё целая палатка раненых, правда, не так серьезно – в основном ранения по касательной или сквозные. Некоторых, наиболее лёгких, уже зашила Катерина.

Появилась и ещё одна проблема – несколько девочек, никогда толком не видевших ранения и не слышавших стонов боли, упали в обморок, но Катерина с другими сестрами, наскоро приведя их в чувство, строго отчитала и сказала, что барышни кисейные ей тут не нужны.

День казался Еве бесконечным, и, когда она вывалилась из палатки, уставшая и забрызганная кровью, пропахшая карболкой и спиртом, ей впервые захотелось закурить. Рядом сел Андрей Ионович и похлопал ее по плечу, молча, но с одобрением.

– Как тот, с огнестрельным в голову? – не смогла не спросить она.

– Жить будет, а там посмотрим – на все воля Божья, – ответил Михайловский и, вытащив старинный портсигар тонкой работы, протянул его Жене. – Угощайся. Ничего, что я на «ты»? – спросил он и как-то невесело усмехнулся.

– Ничего, Андрей Ионыч. – Кивнула Ева, дрожащей рукой беря сигарету и пристраивая ее в уголок рта, а потом только со второй попытки прикурила от спички. Курили они с братьями только в детстве, шая, сидя втроем в старом сарае, что за конюшней. Накурились тогда до тошноты, и обпились кислым вином, что стащили из погреба. За то им крепко влетело от родителей, когда это обнаружилось. С той поры Ева курить зареклась, а сейчас словно само собой получилось, и почему-то стало легче.

– Вот уж правда, на все воля Божья. – задумчиво пробормотала она.

С тех пор так и пошло – наши атакуют, турки отбивают. Уже зимой была одержана стратегическая победа, но в какой-то момент наступило затишье, и позже стало понятно, почему – англичане и французы подтянули свои войска, и через Босфор вошли в Черное море, поэтому часть Женевьевы срочно стали перебрасывать под Одессу. В это же время Англия и Франция объявили России войну.

Ева и Миша здорово изменились. Война шла уже почти полгода, зима, хоть и мягкая на Дунае, оказывала услугу российской армии и врачам, в частности. У Женевьевы и Андрея Ионовича сложилась отличная команда, и тот был очень доволен своим помощником. Они

проводили сложнейшие операции, а в дни затишья много разговаривали, обсуждали методы лечения и пили водку или спирт, в зависимости от того, что было.

Письма домой ходили редко, но отец прямо сообщил Жене, что видит в письмах, как та изменилась и возмужала. В письмах он обращался к ней как к Косте, и потихоньку Ева вообще забывала свое прежнее имя. Она стала резче, могла накричать на растяп-фельдшеров, сурово отчитать и повысить голос даже на мужчин, чего не позволяла себе раньше. Голос у нее сел от привычки громко раздавать указания во время чрезвычайных ситуаций, и от привычки курить после тяжелых операций. В ней все меньше оставалось от Евы и все больше появлялось от Кости.

С Мишей виделись редко, но неизменно, встречаясь, таскались в салон, где упивались шампанским до головной боли, не зная, как еще справиться с происходящим вокруг. Пока Ева корпела над пациентами и колдовала пилами для ампутаций, Миша умудрился дослужиться до капитана за подвиги на поле боя во время сложных операций.

По мере разворачивания боевых действий в районе Крыма, обстановка становилась все труднее – союзники подвергли обстрелу Одессу, и только ценой невероятных усилий российской армии им не удалось высадиться на берег.

К тому времени полк, в котором служили Ева и Миша, был прикомандирован к войскам генерала Горчакова. Основные сражения, конечно, велись на воде, но и они были проигрышными, а к середине весны англо-французские войска высадилась в Варне, и победы русской армии становились все более локальными.

Однажды Андрею Ионовичу пришлось уехать почти на неделю, и Ева заведовала всем сама. К приезду врача она едва держалась на ногах от усталости и истощения, глаза ввалились, нос заострился. Встретила она Михайловского, едва ли не как Государя, если не как Спасителя.

Но новости были неутешительные – среди французов разразилась холера, и, если ничего не предпринять, эпидемия перекинется и к ним. Пока они сидели в палатке, ели и пили – Вася, оставленный Андреем Ионовичем приглядывать за Костей, нарадоваться не мог, что молодой хирург кушать изволили – Михайловский рассказывал о своей встрече с Пироговым и о его инновациях.

– Представляешь, Костя, Николай Иванович внедрил нечто совершенно необыкновенное, - с азартом рассказывал хирург. – Он изобрел способ фиксировать сломанные конечности при помощи гипса. Ты не представляешь, насколько это повышает шансы на полноценное выздоровление. А еще он настаивает на жесточайшем отборе раненных – чтобы мы не кидались ко всем подряд, в первую очередь надо провести быстрый общий осмотр, а потом уже решать, необходимо ли оперировать раненного в полевых условиях, или есть время эвакуировать его в тыл. Так и будем теперь работать, – заключил он и отправил в рот картофелину – еда становилась все проще с каждым днем, но пока о голоде, к счастью, и речи не было.

Для предотвращения вспышки холеры он потребовал тщательнейшего соблюдения гигиены. Захваченных в плен французов он потребовал сразу же изолировать.

Оголодавшая за неделю каторжного труда Ева, только кивала, так как говорить с набитым ртом не могла, да и вежливым не считала. Но идеи и принципы казались гениальными в своей простоте. Если бы не поздний вечер и изрядное количество алкоголя, она бы рванула испытывать гипсовые перевязки прямо сейчас. Но ее разморило и развезло, она откинулась на спинку стула, сытая и успокоившаяся лишь от одного присутствия Михайловского рядом. Рассеянно поскребла щеки и ощутила противную липкую корку грязи – наверное выглядела она форменным оборванцем из глуши. Но сил подняться и пойти умыться уже не было – она так и уснула, сидя на стуле, и Михайловский не стал ее тревожить, понимая, как сильно она устала за эти дни.

Весть о начале войны оказалась для Этьена столь же неожиданной, сколько и неприятной – да, он собирался сделать военную карьеру, но не ценой участия в боевых действиях – его привлекала красота выездки, фехтования, обращения с мушкетами – как раз к стрелкам Алжира он и относился, а к моменту переброски к Крыму из них и Оранов был образован временный полк.

Но Этьен не относился к большинству французов, жаждущих реванша за войну двенадцатого года – он не потерял никого из родных и совершенно не хотел обрекать семью на страдания, но выбора у него не было. Поэтому в составе своего полка он вновь отправился к границам той страны, с которой буквально несколько месяцев назад надеялся на сотрудничество.

Настроения среди французов были самые разные, но преобладало-таки как раз желание мести и полноценного реванша. К тому же еще были живы постреволюционные настроения, и многие разделяли политику Наполеона Третьего, который считал, что Российский император нанес ему личное оскорбление и не один раз.

Друг Этьена, Франсуа, как раз был из таких, и всю дорогу, пока их полк перебрасывали к месту конфликта, разглагольствовал, как они погонят русских до самой Сибири.

– Или что у них там еще за медвежьи углы есть, – приговаривал он, открывая очередную бутылку шампанского.

– Франсуа, ты говоришь о том, о чем не имеешь ни малейшего представления, – Этьен устало посмотрел на друга. До начала войны они действительно очень крепко дружили, да и сейчас Франсуа был дорог ему, но эти настроения он разделить не мог.

– Русские – весьма образованные и достойные люди, – добавил Этьен. Говорить о том, что и мотивы развязывания войны ему не понятны, он уже не стал, предпочитая не афишировать их.

– Мой отец и дядя воевали еще при Бонапарте, как это я не понимаю, о чем говорю? – удивленно спросил Франсуа. Они сейчас совершали очередной конный переход и ехали рядом, пока кони трусили легкой рысцой.

– Образованных и достойных там едва-едва, да и те отпрыски европейских перебежчиков, – пожал он плечами.

– Я не буду с тобой спорить, Франсуа, – Этьен совершенно не желал подпитывать развитие конфликта. По его мнению, и российский Император и французский могли бы найти мирные пути решения вопроса, но и эти размышления, непопулярные в его армии, он оставлял при себе.

– Когда мы вернемся домой, я бы посоветовал тебе поинтересоваться русской литературой, – сказал Этьен. Для себя он открыл ее перед путешествием и был сражен глубиной некоторых мыслей писателей и поэтов. Франсуа открыл было рот, чтобы возразить, но терпение Этьена иссякло, и он прищпорил коня, оставив друга наедине со своими уzkолобыми суждениями.

Переход измотал их, и они мечтали поскорее добраться, дать отдых спине и ногам от седла, поспать пускай и на походной койке, но все же лежа, а не сидя. Но по прибытии в лагерь они столкнулись с повальной холерой. Это стало неожиданностью, и весьма неприятной, и командование было в замешательстве.

– Нас притащили на Богом забытые задворки Европы, и тут еще рассадник заразы. – простонал Франсуа.

Из-за холеры наступательные операции были приостановлены на какое-то время, чтобы не усугубить ситуацию. В лагере были ужесточены требования по соблюдению гигиены, и все же совсем отказаться от атак союзническое командование не могло, опасаясь, что это ослабит уже занятые ими позиции.

Поэтому командиры выбирали солдат из числа здоровых, для осуществления коротких акций для подавления боевого духа российской армии.

А российские войска только-только расслабились, собираясь перегруппироваться, и не ожидая атаки от ослабленных французов. И неожиданный удар конной гвардии под прикрытием артиллерии стал неприятным сюрпризом. Всех подняли по тревоге, госпиталь разворачивали в полевых условиях. Ева, получив от Андрея Ионовича саквояж со всем необходимым, была отправлена вперед, чтобы оказывать неотложную помощь там, в поле, а остальных надлежало переправлять Михайловскому.

Атака французов захлебнулась, завязался кровавый бой. Ева впервые попала в настоящую мясорубку, рвались ядра над головой, конь под ней гарцевал от ужаса, и она ощутила растерянность, а раненые уже стонали на земле, истекая кровью.

И все же в этой атаке французов подвела малочисленность – внезапность, конечно, сыграла им на руку, но исконный славянский напор помог российским частям отбросить французов обратно к их позициям, а некоторых захватить в плен.

Не то, чтобы это делалось намеренно, но никто ведь не будет доставлять раненых вражеских солдат обратно в расположение их частей. Но занимались ими в последнюю очередь, когда своим раненым уже была оказана помощь, а погибших погрузили на подводы, чтобы похоронить.

День, пропахший кровью и порохом, не заканчивался. Ева сортировала раненых, отправляя их с фельдшерами к Михайловскому, а сама все продолжала шить, резать, накладывать перевязки и жгуты, охрипнув от команд и оглохнув от грохота. Когда все стихло, и она не слышала канонады, она подумала, что все – перепонки не выдержали. Но нет, просто бой кончился, и пушки не палили. Закончив с русскими ранеными, она отрядила двоих фельдшеров прочесывать поле боя, и сама пошла, собрав все в переметную суму – саквояж она где-то потеряла. Она сама не знала, кого искала, ведь сообщили, что своих раненых уже забрали, но врачебный долг звал ее и она шла на стоны умирающих. Русские, французы, без разницы. Кому-то давала напиток из воды из своей фляги перед смертью, другому дрожащей рукой вливала опиумную настойку, стараясь не смотреть на кровавые куски чего-то, то ли тела, то ли шрапнели, и позволяя бойцу умереть без боли, в забытьи. Ева впадала в состояние, близкое к шоковому, и, наткнувшись на очередного залитого кровью француза, едва дышащего под трупом коня, она не сразу поняла, что этому можно помочь. Силы ее были на исходе, но она сумела поднять и выволочь тяжелого человека, и, взвалив его на себя, потащила к лазаретным шатрам.

Изначально кавалерия шла в арьергарде наступающего подразделения, но на поле боя все быстро смешалось, и только вытаскивая свою шпагу из чего-то мягкого, Этьен осознал, что это чуть ли ни его первое сражение.

Вокруг все слилось в безумный калейдоскоп красок и какофонию звуков. Он то увораживался, то атаковал, и делал это совершенно механически, без какой-либо идеи, но с одной целью – выжить. Франсуа быстро потерялся из виду, и, чуть не лишившись кисти, виконт понял, что сейчас не подходящий момент искать друга.

А потом все как-то резко изменилось – своих мундиров вокруг становилось все меньше, и вот уже сквозь канонаду звучит все больше русский мат, а не французские призывы атаковать. И с очередным "выблядок Бонапарта", прозвучавшим совсем рядом, Этьен почувствовал, что его конь взбрыкнул и стал заваливаться, а у него, как назло, ноги в стремях запутались.

А потом все как в тумане – боль адская, кто-то тащит, провал, крики и снова провал.

– Костенька, это же француз, – Катерина выбежала на минуточку из палатки – воды из бочки набрать, да там и застала хирурга с вражеским офицером на закорках. Она это списала на дурман от сражения, решив, что врач не понимает, что делает.

Ева, злая и едва держащаяся на ногах от усталости, сама не ожидала от себя командного рывка. В груди горело огнем, по лицу катился пот от натуги, пока она несла француза только с одной мыслью – чтобы тот не умер по дороге, чтобы ее усилия не пропали зря.

– Свой, чужой, какая разница! Я клятву Гиппократу давал, я не мог оставить егодохнуть на поле! – Она в трезвом уме ни за что не позволила бы себе говорить таким тоном с Катенькой, точнее с уважаемой Екатериной. Она вволокла в палатку француза, уложила на свободный стол и стала резать на нем мундир, чтобы понять, какие у него ранения помимо выбитого колена и глубокого сабельного удара на руке.

– Афанасий, помогите Константину Евгеньевичу, – попросила Катерина одного из фельдшеров, притихнув от этой вспышки.

В спор она вступать не стала, решив оставить это на откуп Михайловскому, но сама помогать не решилась, только собрала лоскуты, когда-то бывшие французским мундиром, отметив неестественное положение ног раненого.

Мозг у Женевьевы почти отключился, она на каких-то профессиональных рефлексах с помощью фельдшера поставила колено на место, велела наложить гипсовую повязку по инструкции Пирогова, а сама занялась рукой. Кровотечение удалось остановить, в сознание француз по счастью, не приходил. Морфия не осталось вовсе, только настойки опия – совсем чуть-чуть. Ева удаляла мертвевшую ткань, накладывала швы, тугую повязку, а потом, когда услышала голос Андрея Ионовича, и, когда поняла, что свою работу она закончила, словно на момент умерла или отключилась. Пришла в себя, когда врач хлопал ее по щекам, а сама она тяжело облокотилась на стол над французом. Ее замутило, на нетвердых ногах она выбралась из шатра и тут же рухнула на колени. Ее вырвало водой и желчью – она сегодня ничего не успела съесть. Слово сквозь вату до нее донеслось:

– Это шок, Катенька. Оставьте, оставьте, я займусь.

Михайловский тут же кликнул Василия – тот за время работы с хирургом поднаторел во многих врачебных вопросах и теперь был на подхвате. Сейчас, по счастью, всех срочных уже осмотрели и сделали, что смогли.

– Здесь я, вашблагородь, – Василий появился как из-под земли и покачал головой, увидев, в каком Константин состоянии. – Спирту?

– Сдурел? – шикнул хирург. – Убить его хочешь? Дай воды и тряпку почище, – попросил он и, получив, что просил, промокнул лицо Евы.

Василий и питьевой воды принес.

– Давайте-ка, душа моя, по глоточку, – как маленькую уговаривал ее Михайловский, планируя писать прошение о присвоении корнету очередного звания и боевой награды.

Ноги Еву не держали. Она позволила усадить себя на кочку, подальше от грязи и прочей гадости. Руки у нее тряслись, да и всю ее била крупная дрожь, такая, что зубы стучали о кружку, пока она пыталась выпить воды. Глаза у нее, и без того светло-серые, стали совсем прозрачными и стеклянными от ужаса, и буквально впились в Андрея Ионовича.

– Все? – прохрипела она. – Всех? – Ева не совсем понимала, что она вообще и о ком спрашивает.

– Все, Костенька, все, – Михайловский поддерживал кружку под доньшко, чтобы она не упала. – Всех осмотрели, кого надо – полечили.

Он чуть не сказал "и кого не надо", но так ведь и сам таким был – идейным, и врагам раны зашивал.

– Василий, помоги-ка, – попросил он, подхватывая Еву с одной стороны, – есть ему пока нельзя, с мытьем он не справится, поэтому надо хотя бы спать уложить.

Позволив себя увести и уложить на свою походную койку, Женевьева далась и фартук снять и мундир, и сапоги, но за рубашку боролась до последнего, крепко держа ворот и отпихивая руки. Василий с Андреем Ионовичем настаивать не стали, умыли ее и отмыли ее черные

от крови и грязи руки, и уложили, не давая встать, хоть та и порывалась идти куда-то. Катерина, стоя у входа, прижимала платочек ко рту и качала головой.

– Никак, с ума сошел? – вздохнула она шепотом, но Михайловский только шикнул на нее и прогнал. А Ева все-таки заснула беспокойным сном, с холодным компрессом на голове.

– Оклемается, Андрей Ионович? – с беспокойством спросил Василий.

Почти за год Константин стал ему, как родной, поэтому он сильно переживал за молодого хирурга.

– Оклемается, – врач поправил одеяло на своем коллеге и вздохнул, мысленно молясь о том, чтобы не сломался, чтобы выдержал это испытание. Не каждому оно дано, но Костя, по его мнению, человек недюжинного духа, должен справиться.

Ева спала тяжелым сном почти сутки. Михайловский будил ее, поил с помощью Василия или Катерины бульоном с ложечки и обтирал мокрое от пота лицо и шею. Несколько часов она лежала в лихорадке, но потом ее отпустили кошмары, и она уснула крепко, безмятежно. Но когда проснулась, во взгляде у нее еще читалось все, что ей пришлось пережить.

– Андрей Ионыч, – увидев врача у своей койки, она улыбнулась, а потом спросила. – Меня что, ранили? Почему я в постели, а вы тут?

– Потому что ты, мой мальчик – герой, – ответил он, облегченно улыбнувшись. Когда началась лихорадка, Михайловский уж и не знал, что думать – он обследовал Костю с головы до ног на предмет повреждений, опасаясь заражения крови. Но обнаружил нечто совершенно другое – перетянутую бинтами грудь, и девичью стать. Но пока о том он молчал, и радовался, что на осмотре никого больше не было.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, дав коллеге попить. – Ты вытаскивал раненых с поля боя, кого-то оперировал прямо под канонадой. У нас пол-лагеря жизнью тебе обязаны. Но сам ты не ранен, ни единой царапины. В рубашке родился.

Ева слабо улыбнулась. Сама она себя героем не считала, ведь она просто выполняла свой долг.

– Что было вчера? После контратаки? Много погибло? Миша? – еще тише спросила она. После больших сражений она всегда страшно переживала за брата. В дверях появился Василий.

– Батюшки! Очнулись, вашбродь! Слава тебе, Господи, счастье-то какое! – он даже перекрестился. – Андрей Ионыч, тогда накрываю обед на двоих. – кивнул он и испарился.

– Живой Михаил Евгенич, – успокоил его Михайловский и кивнул Василию. – Готовь, родимый, будем откармливать нашего героя. У Миши плечо было выбито, так что теперь он на перевязи, но в остальном все в порядке. Все рвался к тебе, насилу удержали, – врач улыбнулся и помог ему подняться. – Идем, душа моя, отведу тебя к бочке, умоешься по нормальному.

Про француза он не напоминал. Пленных было еще семь человек, но этот пока был не с ними, Михайловский лично его осматривал пару раз.

Услышав, что Миша жив, Ева испытала неимоверное облегчение. Хоть ей еще и было не совсем хорошо, и слабость в коленках не проходила, она все же встала, переоделась и пошла умываться, а потом и в кабинет к Андрею Ионовичу – есть и пить, набираться сил.

Василий расстарался на славу, собрал на стол все лучшее, что только смог. У Михайловского, конечно, и спирт был припасен.

– Садись, Костя, – он кивнул на стул, который традиционно занимал коллега, наполнил стопки и придвинул ему. – Только закусывай сразу, – предупредил он. – А лучше сначала съешь что-нибудь, а потом выпьем.

Ева кивнула, взял кусок утки, видимо, подстреленной где-то в окрестностях. Нежное мясо буквально таяло во рту, и после того как она проглотила кусок, они выпили. Тепло заструилось по венам, и Ева ощутила, что потихоньку живет.

– Хорошо пошел, – крикнул Андрей Ионович и налил по второй, пока Ева утирала выступившие от крепости слезы.

Они засиделись допоздна, разговаривая за жизнь. Михайловский неожиданно разоткровенничался и рассказал о себе, о жене Анастасии Павловне, о детях – Варюше и Митеньке. Раньше хирург переживал, что дети у него поздние, а сейчас порадовался, что Мите всего пятнадцать, и его не призвали – не хотел он своему сыну такой судьбы, не хотел, чтобы тот видел эту мясорубку.

Ева с удовольствием слушала, и это лечило ее душу лучше всего на свете. Она рассказывала про братьев, а тут как раз и Миша пришел. Его позвали к столу, налили ему спирту, но он, сделав глоток, закашлялся и попросил вина.

– Как вы его вообще пьете? – осипнув, спросил он.

– Это у нас профессиональный опыт, – усмехнулся в бороду Михайловский и кликнул Василия, чтобы тот принес вина.

– Ну как ты? – Миша обеспокоено посмотрел на исхудавшую сестру, здоровой рукой отломив себе кусочек хлеба.

Ева только улыбнулась грустно и плечами пожала, не зная, как в двух словах сказать брату все то, что было у нее на душе.

– Не знаю, Миша. Наверное, нормально, – ответила она, беря себе еще кусок утки и хлеб, заедая спирт. – А ты как?

– В порядке, – тоже сдержанно ответил он и, когда Василий принес вина, крымского, конечно, выпил вместе со всеми.

Каждую ночь ему снился бой, и каждый раз он заканчивался одним и тем же – гибелью его однополчанина Алексея. Они и не общались толком, но накануне в импровизированном клубе Леша рассказывал, как вернется домой, женится на своей Оленьке – портрет ее показывал, и будет помогать папеньке разводить лошадей. Страшно это было видеть, как Смерть бесстрашной рукой перерезает ниточку жизни, вкладывая ножницы в руки другого человека.

Все помолчали, понимая, о чем они все думают, но Андрей Ионович не давал им погрузиться в уныние и начал рассказывать Мише, какой одаренный у него брат, сколько людей он спас, и как героически исполнял долг врача прямо в пылу сражения. Ева только краснела и считала, что все это сильно преувеличено.

– Он с детства такой... увлеченный, – улыбнулся Михаил и хотел было погладить сестру по волосам, как раньше, да не решился – она выглядела слишком повзрослевшей. – Кошек лечил, собачек, а потом все рядом с лекарем нашим семейным крутился, благо, жил тот через дом. С семи лет знал, какие у маменьки нюхательные соли от чего. Огромный талант Господь в его руки вложил.

Ева только отмахнулась:

– У всех свои таланты, Миша. Ты тоже у нас герой. Представь, как вернешься домой весь с орденами, дамы в обмороки падать будут. – Впервые за вечер Ева улыбнулась светло, без затаенной тоски в глазах.

– Вернуться бы, – негромко сказал Михаил, но потом тряхнул головой и придвинул к ней тарелку. – Ты кушай-кушай.

Они посидели ещё какое-то время, но потом Михайловский устало потер веки, и Миша засобирался.

– Вам отдохнуть надо, – сказал он, откланиваясь.

– Вернемся, Миша, – вздохнула Ева, встав чтобы проводить его. – Мы обещали вернуться. Ваня писал на той неделе, у него все хорошо. Может, свидимся, когда его полк переквартируют. – она поцеловала брата в щеку и проводила его, а потом вернулась в шатер к хирургу.

– Проведать пациентов? – спросила она, видя, как устал Михайловский.

– А ты уверен, что в состоянии? – Конечно, ему нужен был отдых, но долг все равно превыше всего, да и Костя был ещё слаб. – У нас тяжёлых трое всего, – добавил он. – Я бы их проверил, да лёг прикорнуть на часок.

– Я справлюсь. А вы отдыхайте, – ответила Ева. – Если что-то будет не так, я вам скажу. А Екатерина поможет мне с остальными.

Ева вышла и направилась в лазарет к пациентам. Закончив с легкими, она пошла к трем тяжелым вместе с Катей.

– Что у нас тут? – спросила она у Екатерины, подходя к койкам.

– У поручика ногу ампутировали, вот второй день лихорадка не проходит, – ответила она, промокнув лоб офицера мягкой тряпичкой. – Делаем умеренное кровопускание, да отварами отпаиваем. Андрей Ионович говорит, если хочет жить, выкарабкается.

– Холодные компрессы. Берите колодезную воду, похолоднее, – велела она, осмотрев парня. Культия выглядела хорошо, признаков сепсиса не наблюдалось. – С кровопусканием пока повремените. И бульон, хоть по ложке, каждые два часа. Приставьте к нему сестру, пусть записывает малейшие изменения, – попросила Ева, оглядев поручика, и сделала ему впрыскивание камфоры.

– Кто следующий?

– Штабс-ротмистр, – Катерина отвела его за ширму и указала на пациента. У него была забинтована вся голова, были только оставлены отверстия для рта и носа. Кисти тоже были перебинтованы. – Ожог глаз и рук, – сообщила медсестра. – Андрей Ионыч не дает пока прогнозов насчет зрения. Говорят, он рисовал хорошо, – шепотом добавила она.

– Врут, Катенька, – вдруг раздался голос штабс-ротмистра, а медсестра смущенно вспыхнула. – Вас бы я своей картиной изуродовал.

– Ну ничего, все еще впереди, – улыбнулась Ева, осторожно осматривая повязки. Те были чистыми, ни крови, ни гноя не было, значит заживление шло хорошо. – Не получится с живописью, значит лепкой займетесь. – она осмотрела руки, стараясь касаться с величайшей осторожностью. Отеки сошли, воспаление уменьшилось. Надрезав край бинтов на виске, он осмотрел веки, лишённые ресниц и бровей, наложил свежий слой мази.

– Утром сделаете примочку с отваром, только едва теплым, на живую не сдирайте, фельдшерам особое внушение сделайте, – попросила Ева. – Я думаю, зрение восстановится, ожоги не такие сильные, как я боялся. Так что, штабс-ротмистр, придется нам еще потерпеть ваши уродливые портреты лет эдак сорок-пятьдесят. Один я бы заимел у себя на память, хорошо? – подбодрила его Ева.

– Это вы, Константин Евгенич? – конечно, в лагере Женевьеву знали все, но штабс-ротмистр немного удивился, ведь не слышал голоса второго врача после ранения. Впрочем, все в лазарете знали, что с ним. – Рад, что вам лучше. Если смогу видеть, намалюю вам что-нибудь, – пообещал он, растянув потрескавшиеся губы в улыбке.

– Я, я, не волнуйтесь. Поставим вас на ноги, еще будете подвигами перед дамами хвалиться, – улыбнулась ему Ева, и поправив покрывало, пошла к другому пациенту.

Катерина бережно смазала ему губы вазелином и повела Еву к последнему пациенту.

– Майор Яловецкий, – представила она пациента, который не спал. – Попадание заряда картечи с близкого расстояния – кости руки и плеча сильно раздробило. Ампутировать было нельзя, Андрей Ионович побоялся, что шок будет, поэтому собрал... как смог, – она со вздохом посмотрела на мужчину – красивого статного офицера и теперь практически без руки.

– Катенька, полно вам, к счастью, я левша. – Улыбнулся ей вымученно майор, и Ева отправила ее за морфином. Осмотрев офицера, она поговорила с ним, посмотрела гипсовую повязку, правда не полностью закрытую, а наполовину, чтобы кости не смещались.

– Думаю, это лучшая работа Андрея Ионыча, – ответила ему честно Ева. – Чувствительность в пальцах – это просто чудо Божье, значит иннервация сохранилась. Возможно, будет

локтевая контрактура, то есть, не сможете полностью разогнуть руку. Но я бы посоветовал вам потом ехать на воды, реабилитироваться.

– Андрей Ионович гений, – кивнул майор и улыбнулся. – Но, если бы не вы, и спасать было бы нечего. Вы не помните, наверное? На поле боя вы мне руку перетянули – к туловищу привязали, так что хоть все кости остались на месте. Спасибо!

Вернувшись, Катерина умело поставила ему укол и поправила одеяло.

– Француз еще остался, которого вы притащили, – добавила она, когда они вышли от майора. – Он отдельно лежит. Проводить вас?

Ева смутно помнила своего пациента-француза, как и едва помнила, что спасла раненого на поле боя.

– Да, проводите, пожалуйста, – попросила она, кивая.

Тот лежал за ширмами и тоже не спал.

– Добрый вечер, – поздоровалась с ним по-французски Ева и стала осматривать его, в первую очередь колено, а потом и руку.

– Константин? – позвал его Этьен, не уверенный, что правильно запомнил имя юноши, с которым познакомился, казалось, в прошлой жизни.

Лица человека, вытащившего его с поля боя он не помнил – не в том был состоянии, а потом не до конца понимал все разговоры, которые велись на русском – язык он знал недостаточно хорошо. Впрочем, к нему врач обращался по-французски, но ограничивался лишь набором необходимых фраз и вопросов.

Ева удивленно взглянула на пациента, и его лицо показалось ей смутно знакомым, но где и когда она могла его видеть, она сказать не могла.

– Мы знакомы? – спросила она, меняя ему повязку на руке и осматривая швы.

– Немного, – ответил Этьен, едва заметно поморщившись в тот момент, когда повязку отнимали от еще незажившего шва. – Прошлой весной мы с вами познакомились в салоне княгини Голицыной. Так же я имел честь быть представлен вашему другу князю Войницкому-Смирнову.

Ева удивленно уставилась на француза и действительно узнала его, пускай он был грязным, осунувшимся и заросшим щетиной.

– Этьен дель Мар? – неуверенно спросила она, не слишком точно припоминая его имя. – Господи Боже. И вы на этой войне... – она была поражена таким совпадением.

– Де Морель, – поправил он и улыбнулся, насколько это вообще было уместно в такой ситуации. – К сожалению, да. Я понимаю, вас это едва ли волнует, но это не было моим желанием, это мой долг, который я принял на себя, присягнув моему Императору. Мне искренне жаль, что наши страны враждуют.

Молодой хирург только тяжело вздохнул.

– Война...это ужасно. Сколько гибнет. Сколько будет калек. И вы теперь на положении военнопленного, мне очень жаль, – сказала Ева, накладывая повязку.

– Вы... вы мне сочувствуете? – Этьен распахнул глаза от неожиданности. Он ожидал ненависти, но не некоего даже понимания, да еще и заботы, пусть чисто медицинской. – И лечите меня? А вы не знаете, кто вытащил меня с поля боя? – спросил вдруг он, уверенный сейчас, что это был сослуживец.

– А я должен вас ненавидеть? – удивленно спросила Ева. – Не вижу в этом смысла. Все мы люди... – пожала она плечами. – Дать вам морфину? Или болит не сильно? А с поля боя вас вытащил я. Вы были последним кого я принес.

Ноги у Этьена ныли ужасно, видимо от того, что кости срастаются, но сейчас он впервые забыл об этом.

– Вы меня вытащили? – изумленно спросил он. – Но почему? Я ведь воин вражеской для вас армии. Почему вы не оставили меня умирать? – как ни странно, виконт понимал, что

поступил бы точно так же. Но знал он и то, что большинство его сослуживцев бросили бы обреченного на смерть врага.

– Потому что я давал клятву помогать всем людям, которые в этом нуждаются, независимо от армий, войн, подданства и так далее. Вам моя помощь нужна, и вы ее получите. Так что с морфином? – мягко улыбнулась она.

– Что ж, в таком случае, мне остается только благодарить высшие силы за то, что они послали именно вас в то место поля боя, где меня угораздило оказаться, – Этьен улыбнулся в ответ.

Он вдруг осознал, что не хочет казаться слабым перед этим юношей, так возмужавшим с момента их встречи, поэтому он лишь отрицательно мотнул головой.

– Думаю, у вас есть пациенты, которым обезболивающее нужнее.

– Воистину это так. – Кивнула Ева и улыбнулась французу. – Я ценю ваш благородный порыв, но лазарет – это то место, где можно позволить себе не геройствовать и попросить морфин. Или настойку опиума. Поэтому спрашиваю еще раз на всякий случай, – сказала ему Женестьева, приподнимая его голову и помогая выпить прохладный травяной отвар против воспалений.

Отвар был очень кстати – у Этьена как раз пересохло в горле, поэтому, утоляя жажду он смотрел на Константина с искренней благодарностью поверх каймы кружки.

– Спасибо вам... Константин... Я даже не знаю вашего чина, – он улыбнулся и снова кивнул. – Пока я в состоянии потерпеть, но, если станет невыносимо, я скажу вам.

– Корнет. Но оно не важно, мой чин. Тут я младший хирург. Это гораздо важнее, – ответила она, промакнув его лоб. – Если понадобится, зовите сестер, они придут и помогут вам. Доброй ночи, постарайтесь уснуть. Во сне раны быстрее заживают, – Ева попрощалась и вышла к Екатерине, наказав ей следить за французом так же как за остальными ранеными.

– Спасибо вам, Константин, – снова поблагодарил его Этьен, а когда врач скрылся за ширмой, послушно прикрыл глаза.

Катерина в ответ поджала губы, но ответила, что исполнит приказ "господина доктора" – такое обращение явно давало понять, что она не в восторге от поручения.

Женестьева, проверив всех больных, зашла отчитаться к Андрею Ионовичу, надеясь, что тот не спит. Керосиновая лампа у него горела, так что девушка вошла.

– Андрей Ионыч, это я, – шепнула она. – Я проверил всех, все в порядке. Я хотел вас попросить, тот француз, что я принес на себе. Оказывается, мы знакомы. Встречались в прошлом году в салоне у княгини Голицыной. Пусть он и военнопленный, но, надеюсь, к нему будут относиться с должным вниманием. Надо побеседовать с Катенькой, сестрами и фельдшерами и напомнить им, что превыше всего жизнь человека, а потом то, кто он есть, – попросила она, страшно краснея.

К тому времени Михайловский был уже в нижней рубашке навыпуск и простых штанах. Он сидел на своей кровати – узкой, походной, как и у всех, и читал труд Загорского по анатомии, выискивая там важную информацию.

Когда появился Костя, он внимательно выслушал подопечного и вздохнул.

– Поговорить с сестрами и фельдшерами не проблема, – врач снял с носа пенсне и почесал им висок. – Но вот солдаты... как они отнесутся к тому, что к врагу у нас такое же отношение, как к ним. Их я ни о чем просить не могу. Этот человек, возможно, стрелял в одного из них.

– Солдаты это другое. А мы медики, а не солдаты, – ответила Ева. – Возможно на их стороне есть такие же врачи, которые спасают жизнь нашим солдатам и офицерам, – вздохнула она. – Вы не считаете меня идиотом, который выдумывает несусветные идеи?

– Нет, Костя, не считаю, – он покачал головой и вздохнул. – Наш долг помогать всем, кто нуждается в помощи. Хорошо, я сделаю все, что от меня зависит, но постарайся не афишировать это перед офицерами и перед командующим полком, – посоветовал он.

– Конечно, Андрей Ионыч. Спасибо вам. И доброй ночи, – пожелала ему Ева и ушла к себе, ощущая безмерную усталость, что было неудивительно – она еще была слаба после произошедшего.

– И тебе доброй ночи, Костя... Храни тебя Бог, – уже вполголоса добавил Михайловский и перекрестил Константина, моля всевышнего, чтобы тот дал этому мальчику сил справиться с тем, что лежит на его плечах. Он тут же одернул себя в мыслях, в свете того, что узнал, и вздохнул еще тяжелее – одно дело, когда на войне мужчина, и совсем другое – когда это юная девчонка, совершенно не похожая ни на кого из тех, с кем доводилось знакомиться Михайловскому.

Уснула Ева сразу же, как только рухнула лицом вниз на походную койку, толком не раздевшись и забыв прочитать молитву – в последнее время у нее просто не было на нее сил.

А в это время за ширмой палатки госпиталя Этьену не спалось, но не из-за боли – он все думал про Константина, про величие души этого человека, и понимал, что не сможет больше взять в руки мушкет, зная, что где-то напротив может быть Константин. Один его взгляд, полный сострадания и желания помочь, вызывал в Этьене глубокое чувство вины, словно он один был в ответе за происходящее, за то, что парню пришлось оказаться в самом пекле.

Глава 3

Утром Женевьеве дали немного подольше поспать, благо войскам нужно было время чтобы залечить и зализать раны, и передислоцироваться. Так что работы пока не прибавлялось. Писались отчеты, запросы на медикаменты и инструментарий, Ева и Андрей Ионович пробовали новые швы, методики и обсуждали инновации Пирогова и других военных врачей, сейчас работающих на одной с ними стезе.

– Костя, сделаешь обход, а я пока посмотрю, что у нас с медикаментами, – попросил главный врач. – Благо, от тыла мы пока не отрезаны, лучше заранее закажу все, что может оказаться в дефиците, – пояснил он, желая перестраховаться. Ему уже приходилось сталкиваться с подобным в свою первую кампанию, когда единственными обезболивающими были ремень в зубах и стакан сивухи.

– Хорошо, Андрей Ионыч. А после обеда можно и с персоналом поговорить, – ответила Ева, надела фартук и вымыла руки, а потом пошла в лазарет, сразу сначала к тяжелым.

– Ну как тут у нас, Екатерина? Ухудшений нет? – спросила она у сестры милосердия, подходя к первому своему пациенту.

– Нет, Костя, все выздоравливают, – ответила она. – У поручика лихорадка спадать начала, штабс-ротмистру накладываем мазь, как вы сказали. Господин майор и вовсе говорит, что негоже ему с таким ранением место занимать, – с улыбкой добавила она.

Умом она понимала, что война – не место для романтики, но сердце тянулось к майору.

– А ещё француз у вашему ночью морфий давали, – сообщила она, снова поджав губы.

Услышав это, Ева тут же закатила глаза и поняла, что ждать до обеда не может.

– Екатерина, послушайте меня. Мой француз или свой собственный – это совершенно не важно. Вы сестра милосердия, а милосердие не проявляется в зависимости от нации. Оно либо есть, либо его нет. И сострадание к чужим мукам должно превалировать над мыслями о том, что этот человек враг. Он лишь солдат, выполняющий приказы. У вас воюет кто-нибудь, Катенька? – спросила она. – У меня в атаку идут оба брата, и, если кто-то из них окажется раненый на поле боя, я молю Господа о том, чтобы и среди французских медиков оказались те, кому безразлично, русский он или нет. В первую очередь он человек, который нуждается в помощи, – горячо проговорила Ева на одном дыхании.

Такой жаркой речи Катерина не ожидала, но уже к её середине стояла, опустив голову, смиренно теребя свой передник.

– Я поняла вас, Константин Евгенич, – пробормотала она, глянув на врача через пушистые смоляные ресницы. Она была старше лет на пять, но сейчас чувствовала себя девчонкой, которую строгая нянюшка отчитывала за какой-то проступок. – Простите меня. Я поговорю с девочками, – пообещала Катя и пошла в отсек с медикаментами, чтобы взять те, которые могут понадобиться для осмотра.

Ева перевела дух, потеряла лицо и дождалась Кати, а потом с ней продолжила обход, больше эту тему не затрагивая. Когда они пришли к француз за ширму, Катерина уже не поджимала губы и вела себя как подобает.

– Доброе утро. Как вы?

– Доброе утро, мадемуазель сестра, доброе утро, Константин, – Этьен улыбнулся, но после ночи он был немного бледен, на маленьком столике рядом стояла миска с кашей и чай, но завтрак он пока не мог осилить. – Значительно лучше, спасибо! – тем не менее, ответил он с явно напускной бодростью.

Его ноги ныли всю ночь, поэтому и пришлось просить сестру дать морфий.

Ева осмотрела француз и отослала Катеньку, чтобы не смущать француз необходимость быть слабым перед ней.

– Вам нужно есть, чтобы были силы и лучше шел процесс выздоровления. – Ева села рядом с его койкой и взяла миску. – Я вам помогу, хоть несколько ложек, но вы должны съесть, – сказала она, поднося ложку каши ко рту француза. – К тому же морфин на голодный желудок дает много побочных эффектов.

– Константин... – француз аж вжался в спинку своей койки. – Мне, право, неудобно.

По совести, ему и одной-то рукой не очень удобно было обращаться с миской и ложкой. Но помощь в таком вопросе вызвала у него смущение. И все же он согласился, понимая, что отказываться от такой помощи просто неприлично, и более того – бессмысленно.

– Спасибо, – пробормотал он, открывая рот, чтобы проглотить кашу.

– Я понимаю, что тяжело смириться с положением раненного, но вы должны это сделать и принимать помощь от других людей, – сказала Ева, помогая ему позавтракать. Общими усилиями они справились с половиной миски, и Этьен насытился.

– Чай уже остыл, пейте, он лечебный, – приподняв его голову, Ева напоила его чаем. – С естественными надобностями вам поможет справиться фельдшер, хорошо? – улыбнулась она довольно. – Не тошнит?

– Я понимаю, – смиренно ответил Этьен. Он пока не отличался хорошим аппетитом, поэтому, съел немного, но этого ему хватило, чтобы насытиться. – Да, спасибо! – он вспыхнул и порадовался, что с вопросами гигиены ему будет помогать не Константин – это окончательно растоптало бы гордость виконта. – Немного, совсем не критично, – ответил он, прислушавшись к себе. Была лёгкая тошнота, но она не должна была закончиться чем-то неприятным.

– Я дам вам порошок от тошноты, – она встала и отошла к шкафу с медикаментами. Взяв нужный порошок и отмерив дозу, она вернулась к Этьену.

– Откройте рот. На вкус кисловато, но не противно, – предупредила Ева, высыпая порошок ему в рот и помогая запить водой. – Вот и все. Я пришлю к вам фельдшера сейчас же.

Порошок оказался весьма кстати – кислый вкус сразу как-то облегчил ощущения.

– Спасибо, Константин, – виконт улыбнулся врачу уже значительно веселее, но румянец снова коснулся его щек. – Постойте! – он окликнул Костю, когда тот уже уходил. – Я могу вас попросить... Мне неудобно обременять вас ещё сильнее. Словом, если у вас будет время, вы не могли бы помочь мне побриться? – Этьен почему-то не мог довериться в этом вопросе совсем постороннему человеку.

Ева обернулась и кивнула, понимая, что этот вопрос достаточно интимный и подразумевает некоторую степень доверия к человеку. Потому она кивнула ему, хотя опыта у нее в этом было не особенно много – она лишь видела, как бреются братья, и пару раз помогала им.

– Да. После обеда я подойду к вам и помогу вам побриться, хорошо? – предложила она, немного смущенно улыбаясь Этьену.

– Как вам будет удобно, – кивнул Этьен и снова поблагодарил его.

И снова все его мысли были заняты Константином – было бы все иначе, если бы они не познакомились прошлой весной и удастся ли ему отблагодарить своего спасителя – этот вопрос очень волновал виконта. Хотя Константин и исполнял свой долг, тот чувствовал себя обязанным.

Закончив с пациентами, Ева пошла отчитываться к Михайловскому.

– Я проверил всех, Андрей Ионыч, – сообщила ему девушка. – Все в порядке, никаких эксцессов. Что у нас по плану дальше? – спросила она, складывая грязный фартук в корзину для белья.

– Работать, Костя, – улыбнулся врач, подняв на него взгляд. – Надо заготовить порошки да мази. Так что надевай чистый фартук и за работу, – подбодрил он и снова склонился над столом их маленькой лаборатории, в которой они и провели время до самого обеда, пока Василий не пришел разгонять их, ворча, что они совершенно не думают о своем здоровье.

С Андреем Ионовичем работалось легко и хорошо. Он интересно рассказывал, как про медицину, так и случаи из жизни, над которыми можно было тихонько посмеяться. Все это здорово помогало держаться за разум, и не скатываться в панику. Время летело незаметно, и появление Василия было неожиданностью.

– И впрямь заработались мы, Андрей Ионыч, – только сейчас Ева поняла, что сильно проголодалась.

– В хорошей-то компании и немудрено, – улыбнулся врач, снимая пенсне. – Умывайтесь, душа моя, да приходите в мой кабинет, у Василия-то уже все готово, наверное, – добавил он и снял фартук, собираясь привести себя в порядок. Он тоже ощущал чувство голода и легкую усталость – нагрузка и возраст сказывались.

Умывшись и приведя себя в божеский вид, Ева пришла в "кабинет" к хирургу.

– Вечером схожу к Мише, узнаю, планируют ли наступление, или что, чтобы хоть как-то подготовиться, – сказала она, садясь за стол. – Хотя, как тут подготовишься.

– Да уж, наша работа зачастую состоит в том, чтобы просто ждать, – вздохнул Михайловский.

Спирт за обедом они не пили, Василий раздобыл молодое, слабенькое вино, которое пилось, как компот, только чуть согревало изнутри.

– Для сердца полезно, – улыбнулся врач, наполняя кружки.

– У нас тут все полезно. Вредного не держим, – засмеялась Ева, соглашаясь с врачом. Обед прошел спокойно, без дерганья, за разговорами. После обеда Михайловский позволил себе полчаса подремать – все же возраст, нужно было давать себе отдых, ведь иной раз они не спали сутками. А Ева пошла к Этьену, прихватив свой бритвенный набор в кожаном несессере. Его ей подарили в шутку братья, вместе с документами на имя Константина, и до этого она ни разу им не пользовалась.

Катерина поговорила не только с сестрами, но и с фельдшерами. Она умела быть жесткой, поэтому мнение Константина донесла до них вполне доходчиво.

Этьен сразу ощутил, как к нему изменилось отношение – фельдшеры и сестры уже не поджимали губы, заходя к нему. И хотя и раньше они делали все вполне профессионально, сейчас они делали это с иным настроением.

– Здравствуйте, Константин, – улыбнулся виконт, увидев врача. У него даже почти здоровый румянец на щеках появился.

– Уже виделись, Этьен, но все равно здравствуйте, – улыбнулась Ева, зайдя к нему. Она попросила у фельдшера тазик с теплой водой и устроила на табуретке все свои принадлежности. – Принес все что нужно. Брить гладко, или оставить что-то? – спросила она, раскрыв опасную бритву.

– Гладко, – ответил Этьен и, как мог, подтянулся на койке, чтобы Константину было удобнее. Правда, двигаться ему было тяжело – ноги вообще были, как не свои, а одной рукой много не сделаешь. – Спасибо вам за помощь, Константин, – поблагодарил он, пока Костя взбивал пену кисточкой.

– Не стоит. Уверен, вы бы тоже не бросили меня в беде, – ответила ему Ева и стала намыливать его щеки помазком, постелив полотенце ему на грудь. Выправив бритву о кожаный ремень, она принялась его осторожно, но быстро брить, немного смущенно улыбаясь, когда сталкивалась взглядом с его глазами, похожими на прозрачное осеннее небо. С непривычки ей приходилось все внимание сконцентрировать на своих движениях, чтобы ненароком не порезать Этьена.

Бывать у цирюльника Этьену приходилось регулярно, но там все было иначе – он мог откинуть голову, прикрыть глаза и думать о чем-то своем.

Теперь же он неотрывно смотрел на Константина, но дело было совершенно не в недоверии. Просто во всем происходящем было что-то настолько интимное, что виконт то и дело ловил себя на мысли, что рассматривает лицо врача, находит редкие пятнышки веснушек на скулах, отмечает, какие необычные у него глаза. Все в нем казалось совсем не таким, как в других. Нежные черты лица, странное сочетание внутренней силы и хрупкости, и не будь этой мужественности в словах, поступках, этого благородства во всем, тогда эта мягкость черт казалась бы девичьей и неуместной.

Бог знает почему, Ева ощутила, что щеки загорелись румянцем, и она постаралась быстрее покончить с бритьем. Вытерев щеки Этьена от остатков пены, она улыбнулась и стала собирать свои принадлежности. Помыла и наточила бритву, сложила ее в чехол, стараясь унять смущение за этими обыденными действиями.

– Ну вот и все. Теперь Вы похожи на того Этьена, что я встретил в салоне у княгини Голицыной, – сказала ему Ева.

– О, едва ли, – Этьен покачал головой и мелодично рассмеялся, рефлекторно огладив ладонью свои щеки – не для того, чтобы проверить качество, просто этот жест был привычный. Он и не думал просить зеркало, не желая проявлять недоверие, и уверенный, что Константин сделал все хорошо.

– Княгиня в таком виде меня и на порог бы не пустила, – заметил он, улыбаясь. – Спасибо вам, Константин! Я чувствую себя теперь значительно комфортнее. Надеюсь, я не слишком нарушил ваши планы? – спросил виконт, все никак не находя в себе силы отвести взгляд от лица врача и пытаюсь понять, не чудится ли ему легкий румянец, враз сделавший Костю моложе и нежнее.

– Нет, не волнуйтесь об этом. Моих планов вы не нарушили. Пока все тихо, ждем новую волну раненых только после атаки, или что там у них еще будет, – ответила Ева. – Пока мы пополняем запасы, составляем списки и рапорты.

– В ближайшее время глобальных атак не планировалось, – поделился стратегической информацией Этьен и хмыкнул. – Вы не подумайте, Константин, я не пытаюсь рассеять ваше внимание. И я не ручаюсь, что планы нашего командования не изменились, просто таковы были планы на момент первой атаки. У нас бушует холера, так что солдат в строю не так много.

Ева все равно оценила его порыв и кивнула в знак благодарности.

– Вы уже решили, что будете делать, когда придут вас арестовывать? – спросила она, понимая, что вопрос этот животрепещущий и нужно понимать, какие перспективы разворачиваются.

– Едва ли у меня есть выбор... – Этьен нахмурился и пожал плечами. – Меня могут перевести в тюрьму до того, как срастутся ноги? – спросил он совершенно спокойно, не собираясь сетовать на судьбу и готовый принять любую участь.

– Нет, пока вы не встанете на ноги, перевести в тюрьму вас не могут. Вы будете находиться здесь. Если будет необходимость, я поручусь за вас, – пообещала Ева, прижав к себе несессер и решительно кивнув.

– Только не делайте этого во вред себе, – тут же попросил его Этьен, совершенно не желая, чтобы Константину аукнулась его доброта. – Не делайте для меня ничего такого, за что можете впасть в немилость начальства.

– Уже сделал, – засмеялась Ева. – Но ничего страшного, и за меня есть кому поручиться, – она поправила ему одеяло, – Я пойду. У меня дела, и Андрей Ионыч уже наверняка меня ищет. Вечером навешу вас.

– Не рискуйте, Константин, – взмолился Этьен и кивнул. – Конечно! Простите, что задержал, спасибо большое. Не обязательно заходить, если вам это будет неудобно, – добавил он, хотя мысленно для себя уже признал, что визиты Кости – это самые светлые моменты за день, которых он начинает ждать всей душой, желая продлить их.

Ева попрощалась и ушла, возвращаясь к Михайловскому, который уже проснулся. Похоже девушка задержалась у Этьена чуть дольше, чем хотела.

– Я опоздал, Андрей Ионыч, простите, – тут же повинулась она.

– Ничего, Костя, – врач освежился, умывшись из кувшина над тазиком и, вытирая лицо и руки, повернулся к коллеге, – Где ты был, да будет мне позволено поинтересоваться?

– Осматривал француза и брил его, – ответила Ева, пожав плечами, – Сам он бы не справился.

– Опекаешь? – усмехнулся Михайловский и, вытерев лицо, надел фартук. Глаза у него блеснули хитрой усмешкой. – Ну что, продолжим?

Им предстояло сделать еще пару мазей, а потом заняться рукой майора, чтобы выяснить, в каком она состоянии.

Покраснев, Ева не ответила, но, наверное, так оно и было. Она с удовольствием взялась за работу, а потом они осматривали руку. Поправили дренаж и перешли к пациенту с ожогами.

– Надо подумать, что можно сделать с его лицом, чтобы он не выглядел совсем уж безобразно, – сказала Ева, не в силах не думать об эстетической стороне вопроса теперь, когда жизнь штабс-ротмистра была вне опасности.

– Господь с вами, Константин Евгенич, – штабс-ротмистр усмехнулся, но лежал с закрытыми глазами, как ему и было велено. – Если вы мне зрение вернете, я и тому буду рад. А лицо... с него воду не пить! Жениться мне вряд ли доведется, а матушка меня каким угодно примет.

– Зрение к вам вернется, сами в этом убедитесь, когда через три дня бинты с глаз снимем. И лицо вам соберем, не как раньше конечно, но дети шарахаться от вас не будут. А вот с руками сложнее, боюсь ногти на левой руке не вырастут, так что будет лучше, если в дальнейшем вы будете носить перчатки, – Ева осмотрела его руки, аккуратно сняв бинты.

– Будет повод остаться в армии, – снова усмехнулся штабс-ротмистр, намекая, что офицерская форма предполагает ношение перчаток, а Михайловский мысленно восхитился силой духа этого человека – он всегда находил повод взбодрить себя и других. Медсестры его очень любили, каждую он называл красавицей и не скупился на веселые истории, чтобы развлечь их во время перевязок.

Ева закончила с его руками, и они вдвоем с Андреем Ионовичем приступили к бинтам на лице. Повязка на глазах крепилась отдельно, поэтому ее тронуть не боялись.

– Я читал у Пирогова, что иссечение части свежего рубца дает возможность восстановиться коже заново, – она показала на щеку мужчины. – Смотрите, здесь можно взять лоскут кожи от шеи и приживить его к подбородку. А из части ушного хряща восстановить деформированную часть носа.

– Я тоже читал об этом, – кивнул Андрей Ионович и, дополнив свое пенсне лупой, склонился поближе к лицу пациента, попросив Еву поднести поближе керосиновую лампу. – Ну что, штабс-ротмистр, доверите нам совершить над вами подобное?

Штабс-ротмистр кивнул и разрешил.

– Уверен, хуже, чем есть, все равно не будет. Поэтому делайте все, что считаете нужным. А если получится, что на человека буду похож, а не на страшилище, то век за Ваше здоровье Богу молиться буду, – пообещал он.

– В таком случае, не вижу смысла оттягивать, – кивнул Андрей Ионович, распрямившись. – Атака может быть в любой момент, но пока все спокойно, поэтому операцию назначим на сегодня же. Костя, предупреди Катеньку и фельдшеров – на подхвате должно быть много свободных рук. А Катерина пусть двух девочек возьмет потолковее, – распорядился он и пошел в операционную, чтобы все подготовить.

Ева тоже пошла готовиться вслед за Андреем Михайловским. Вымывшись и надев халат и шапочку, они с хирургом посмотрели еще атлас челюстно-лицевой хирургии.

Пациента уже подготовили, Ева заняла свое место.

– Ну, готовы-с? – поинтересовался Андрей Ионович у штабс-ротмистра. – Тогда, Катенька, маску и эфир, – велел он, и, пока пациента погружали в сон, гремел инструментами. Когда началась операция, все происходило спокойно, но достаточно быстро, в первую очередь, чтобы не держать пациента слишком долго под наркозом, но еще из-за опасений возможной атаки. Впрочем, за стенами палатки все было тихо, что не могло не радовать.

И все же, к концу операции все равно все были здорово вымотаны. Но зато лицо штабс-ротмистра было похоже на лицо. Подбородок скроили заново, нос тоже, и Андрей Ионович был страшно доволен.

– Это не хуже, чем у Пирогова вышло, – заявил он, когда все закончилось.

Надо отдать должное Катерине – понимая, что это момент исторический, она попросила еще одну сестру вести запись в ходе операции, чтобы потом либо Андрей Ионович, либо Костя могли записать эту операцию в свой послужной список.

Штабс-ротмистра пока оставили в операционной, чтобы не тревожить, и приставили к нему сиделку, настрого приказав следить за бинтами – чтобы не сильно мокли, и поить не раньше, чем через два часа.

Ева ощущала себя не просто уставшей, а выжатой, как лимон. Василий помог им обоим раздеться и усадил в кабинете, причитая, что уж ночь-полночь на дворе, и ужин совсем простыл.

– Я пойду, проверю пациентов, а вы запишите все, пока Василий накрывает, – предложила Ева, понимая, что Андрей Ионович устал куда сильнее.

– Хорошо, Костя, спасибо, – Михайловский снял пенсне и, положив его на стол, устало потер веки, немного приводя в чувство глаза, в которых словно песка насыпали. Его тело одеревенело, что и не удивительно, в таком-то возрасте, но он был рад проделанной работе.

Ева привела себя немного в порядок и пошла обходить пациентов. С легкими справились сестры и фельдшера, она подкорректировала назначения, провела своих тяжелых. Штабс-ротмистра уже перевели из операционной, но он еще спал, сиделка была при нем.

Удостоверившись, что все в порядке, напоследок она зашла к Этьену.

– Ну, как вы здесь? – спросила у него Ева, улыбнувшись устало.

Этьен дремал – в сущности, ему больше и заняться было нечем, у него даже книжки не было или хоть Библии. Но звук того, как отодвинулся полог, он услышал сразу и открыл глаза.

– Неплохо, – кивнул он, с беспокойством глядя на Константина. – А с вами что? Вы выглядите ужасно утомленным. Разве была атака?

Ева только усмехнулась, пытаясь оценить масштабы своего ужасного вида.

– Нет, атаки не было. Мы оперировали одного офицера, у него сильный ожог лица. Почти собирали заново, но теперь он скорее красавец, чем чудовище, – ответила ему девушка.

– Надо же... такое возможно? – изумленно спросил Этьен, и его уважение к этому человеку стало еще больше. – Что ж, теперь я в любом случае могу быть спокоен за свои ноги, хотя и раньше не сомневался, что все будет в порядке, – признался он.

– Конечно, лицо прежним не будет, возможно, ему придется отпустить бороду и бакенбарды, чтобы скрыть следы, но это не такая уж большая сложность, – пожал плечами Ева. – Довольно тяжелая операция. И сложная.

– Так зачем же вы пришли, идите отдыхать, – конечно, Этьен очень рад был видеть Константина и надеялся, что тот задержится, они поговорят о чем-нибудь, но сразу отказался от этих мыслей, увидев, как врач устал. – Со мной все в порядке! Фельдшер обо мне позаботится. Отдыхайте, Константин.

– Я уже отдыхаю. К тому же скоро пойду ужинать, пока Василий все накрывает. А я обещал вам прийти, пусть и с опозданием, но я пришел, – улыбнулась она. – Как ваши ноги? Сделать вам еще обезболивающее?

– Спасибо, – Этьен все же улыбнулся в ответ, благодарный за такую обязательность. – Нет, сейчас нет необходимости, – ответил он, не ощущая явной боли. – Если понадобится, думаю, сестра сделает мне укол ночью.

– Думаю, через пару дней они вам уже не понадобятся, – улыбнулась ему ободряюще девушка. – Надеюсь, что хромоты не останется, но вам придется много заниматься, чтобы разработать ноги. И это будет больно.

– Да если бы можно было, я хоть завтра начал бы заниматься, – ответил виконт, улыбувшись. – Константин, я понимаю, вы и так делаете для меня больше, чем вообще возможно, но, может, вас не затруднит оказать мне еще одну услугу – найти мне какую-нибудь книгу или Библию на французском? Здесь ужасно тоскливо.

– У меня есть с собой том Дюма. Подойдет? – спросила Ева. Книгу ему подарил Саша на прошлый Новый год. – Я сейчас принесу, и попрощаюсь с вами до завтра.

– Вы меня очень обяжете, – Этьен даже поклонился, насколько мог. – Спасибо, я буду ждать. Или вы можете передать с кем-нибудь, чтобы не ходить туда-сюда.

Ева только отмахнулась, сходила к себе, отыскала книгу, на которую у нее так и не нашлось времени, и принесла ее Этьену.

– Вот. Я оставлю вам свечу, читайте пока не уснете. Я пойду. Уже пора поесть и спать. Надо отдохнуть, все-таки день был ужасно тяжелый.

– Спасибо вам, Константин! Вы мой спаситель во всех возможных смыслах, – со всей признательностью, на какую был способен, поблагодарил его Этьен, положив книжку себе на колени. – Если у вас есть красное вино, налейте себе буквально полбокала, это обеспечит вам быстрое засыпание и спокойный сон, – посоветовал он, как потомственный винодел.

– Наверное, вы еще не знакомы с тем, что пьют русские медики на войне, – улыбнулась Ева. – Боюсь, вино мне уже что мертвому припарка, – усмехнулась она и пожала плечами. – Читайте на здоровье.

– Я советую вам вино, не как алкоголь, а как лекарство, – с улыбкой пояснил Этьен. – Доброй ночи, Константин! Надеюсь, завтрашний день будет для вас не таким трудным.

– Доброй ночи, Этьен. С Божьей помощью я со всем справлюсь, – она напоследок положила ладонь на лоб француза, чтобы проверить, есть ли жар, потом улыбнулась и вышла, направляясь в кабинет Андрея Ионовича.

Этот жест неожиданно смутил француза. Когда Константин вышел, он коснулся пальцами своего лба и еще несколько минут сидел, сетуя на судьбу – будь это девушка, и будь они во Франции, он попытался бы обозначить свой интерес к врачу, который явно уже ощутил. Все в нем было юным и нежным, не сломленным еще войной. Эти красиво очерченные губы, больше подходившие девушке, изящные, но сильные руки. Воистину, природа иногда очень жестоко шутит.

Василий с ужином расстарался на славу. Это был целый пир, чтобы отпраздновать удачную инновационную операцию. В глазах Андрея Ионовича горел неутомимый огонь, а вместо спирта по такому случаю пили коньяк.

– Я обязательно напишу Пирогову, Костенька! – азартно пообещал он, пригубив коньяка. – А вы непременно опубликуйтесь, когда вернемся! Мне уже хватит научных трудов, а у вас, душа моя, вся жизнь впереди. С такими руками в Петербурге за вас военный и императорский госпитали друг другу глотки перегрызут.

Улыбувшись, Ева только отмахнулась.

– Мы же с вами вдвоем операцию делали, значит и научный труд будет общим. Нечего вам, Андрей Ионыч, свои заслуги умалять, – она разлила им еще по стопочке.

– От признания моих заслуг сейчас уже никакого толку, а тебе надо репутацию свою создавать, – поучительно сказал Михайловский. – Можешь упомянуть, что я тоже участвовал

в операции, этого будет достаточно. А ещё нам бы художника найти, чтобы приложить изображения, так сказать, до и после.

– Думаю, среди офицеров есть такие, кто хорошо рисует, – поразмыслила Ева, взяв кусок мясного пирога. – Можно попросить кого-то из них. И вы, видимо, возлагаете на меня большие надежды, но вдруг что-то не срастется, и я хотел бы чтобы вы описали эту операцию, упомянув меня.

– И что же может не срастись? – нахмурился Андрей Ионович. – Даже если ты вдруг решишь закончить свою карьеру в медицине после войны, хуже не будет, если ты напишешь эту статью. Но я в подобном раскладе сильно сомневаюсь, а значит, писать в любом случае должен ты.

– Хорошо, будь по-вашему, Андрей Ионыч, коли вы так настаиваете, – засмеялась Ева, чуточку захмелев от коньяка после такого тяжелого дня. – Напишу я эту статью, обещаю, – кивнула она. – Надеюсь, вы окажете мне честь и разрешите указать вас как моего наставника?

– Это будет честью для меня, – Михайловский склонил голову в полупоклоне и взял стопку с коньяком. – За ваши будущие успехи и достижения, мой мальчик! – предложил он тост, салютуя стопкой.

– Как и для меня, Андрей Ионыч, – улыбнулась Ева. Коньяк они допили быстро, с ужином разделались тоже, и решили, что пришло время отдыхать, а затем и разошлись по своим палаткам.

А утро принесло им сюрприз и не особенно приятный – их разбудила Катерина, сообщив, что начальство решило проинспектировать госпиталь, и посетовала на то, что им видимо заняться нечем, кроме как людей от работы отрывать.

Ева была страшно удивлена, и торопливо одевалась, спросонья спотыкаясь обо все.

– Какая еще проверка? – выдохнула она, забежав к Андрею Ионовичу.

– Командующий полком, будь он не ладен! – проворчал Михайловский, поправляя подтяжки. – Генерал Поплавский, дай бог ему здоровья, видимо считает, что без его инспекции мы не справимся.

– Господи Боже. Да они же все равно в медицине ничего не понимают, – закатила глаза Ева, застегивая и оправляя мундир.

– Поверь, Константин, медицина их вообще не интересует! – дернул плечом врач, тоже надевая мундир. – Чистой воды формализм. Идем, не будем заставлять ждать нашего достойного почтенного командира.

Ева тут же пошла следом, держась позади Андрея Ионовича. Все-таки он был главным. Пригладив волосы, она предстала перед взором командующего полком. И тут же взяла под козырек, вытянувшись в струнку. На миг ей показалось, что внимательный взгляд сейчас тут же отыщет в ней то, что она так тщательно скрывала.

– Господин полковник, корнет! – поздоровался с ними генерал.

С Михайловским они были знакомы давно, а потому отношения их связывали, если не дружеские, то вполне приятельские, пусть и не без конфронтаций.

– Не сердчайте, Андрей Ионыч, что без предупреждения. Из штаба разнарядка пришла – пока французы раны зализывают, своих раненых переписать, да госпитали проверить, – пояснил генерал. – Так что, показывайте свои владения.

"Разнарядка, черт ее дери", про себя выругалась Ева и тяжело вздохнула, следуя за хирургом и командующим. Не встревала, пока ее не спрашивали, а сама все думала, что же они скажут, когда Этьена обнаружат.

"Не дам его в тюрьму посадить. Ему уход нужен, и обезболивающие. А там он точно ходить уже никогда не сможет" – такие мысли одолевали бедного, вымотанного войной корнета.

Михайловский держался спокойно и достойно. Показал "палату" обычных больных – бойцы, кто мог, вытянулись рядом с кроватями, остальные же поприветствовали генерала со

своих мест, следом заглянули в операционную. После вчерашнего там уже было все чисто и убрано. Рядом с ней располагался малый склад – чтобы не ходить далеко, если что-то для операции понадобится.

Тяжело больных тоже показали и там задержались рядом со штабс-ротмистром, который уже пришел в себя и охотно поделился с генералом деталями операции, точнее, собственных ощущений, связанных с ней.

Ева скромно держалась в сторонке, и вышла вперед, только когда ее позвали. Она скромно вытянулась перед командующим и отрапортовала, что действительно помогала делать эту операцию, а потом дала слово Андрею Ионовичу, который тут же расписал все детально иначе, обозначив, что, Костя излишне скромнен.

По совести, генерал мало что смыслил в этих вопросах, но объяснения Женеьевы и Андрея Ионовича его убедили, что врачи сделали феноменальную операцию, с чем он их и поздравил.

– Это все пациенты? – поинтересовался он, покидая палату тяжело больных. Инспекцией он был вполне доволен.

Утаить Этьена было еще опаснее, чем сообщить о нем, поэтому Ева вздохнула и призналась.

– Нет, за ширмой у нас военнопленный француз. Он не может ходить, у него повреждены ноги, голень одной и колено другой. И тяжелое ранение руки. Поэтому его нельзя транспортировать. Можете взглянуть, если хотите.

От такого известия лицо генерала вмиг помрачнело, и он, разумеется, захотел посмотреть. Этьену он учинил форменный допрос, который тот, впрочем, перенес с достоинством. Помимо всего прочего, генерал потребовал продемонстрировать ему, что ноги француза и правда сломаны, после чего заявил, что больше пленному не должны давать обезболивающее.

Тогда Михайловский не выдержал и, мысленно попрощавшись и с чином, и с должностью, выдал генералу все то, что совсем недавно Костя внушал Катерине.

У Евы пылали уши, и от возмущения, и от заступничества Михайловского. И она тут же вступила в горячую полемику, упомянув и то, что лично вытащила его из поля боя, и была знакома с Этьеном прежде, и что готова поручиться за него. Видимо это и стало последней каплей. Генерал побагровел, встопорщил усы и рявкнул, что место Кости – на гауптвахте.

К сожалению, Михайловскому было не под силу как-то изменить этот приказ, но, видит Бог, он пытался и вынужден был отступить лишь под угрозой отправиться следом, да и то, не из-за опасений за себя, а исключительно из-за невозможности оставить пациентов.

Этьен же чувствовал себя препаршиво, зная, что навлек такую беду на своего спасителя и не в силах ничего сделать.

Руки Еве заломили и скрутили быстро, она было дернулась, но поняла, что сопротивление бесполезно. Получила только унижительную пощечину лайковой перчаткой, и ее увели в казематы. Там ее обиталищем стала камера полтора на два с деревянной шконкой, да ведром в углу. К тому же там было душно и холодно, мундир с нее содрали, пока вели, и она сидела в одной рубашке, томясь в ожидании.

Генерал хотел было перевести Этьена к остальным пленным, но этого не допустил Михайловский, за спиной которого выстроились все фельдшера и сестры.

Ева с трудом удерживалась от того, чтобы не впасть в отчаяние. Она надеялась, что весть о ее бедственном положении уже дошла до Миши, и тот применит все свое влияние чтобы как-то помочь непутевой младшей сестре, оказавшейся как никогда близко к опасному разоблачению.

Но три дня ей все же пришлось пробыть в каземате – пока не пришёл приказ о ее награждении за заслуги в последнем сражении. И поскольку приказ этот пришёл в канцелярию генерала, именно ему пришлось отменять собственный приказ о наказании.

Осунувшаяся на сухарях и воде, немывая и не выспавшаяся, в несвежей рубашке, Ева сама больше проходила на пленного француза, и пошатывалась от слабости, молча покидая камеру и выходя навстречу брату и Михайловскому.

– Ох, Костя! – Михаил кинулся обнимать ее, по факту же практически подхватывая на руки, чтобы та не упала.

– Идемте, душа моя! – Михайловский подхватил ее под руку с другой стороны, чтобы отвести в ее палатку.

– Да что уж вы, ноги-то есть у меня, что ж вы меня тащите, как барышню в обмороке? – попробовала было возмутиться Ева, но ее не слушали. В палатке ее ждал поистине царский подарок – Василий устроил им походную баню и все они собирались мыться и париться. На миг Ева остолбенела, искушение было велико. Ей казалось, что она пропахла тюрьмой насквозь, но выдать себя она тоже не могла. И едва она открыла рот, чтобы возразить, как ее прервал Михайловский.

– Костя, душа моя, я знаю, что тебя тревожит. Так случилось, что я знаю твою тайну, и клянусь тебе, я унесу ее в могилу. После все расскажешь, если захочешь, а пока мойся, мы покараулим, – сказал Михайловский, и Ева, вытаращив глаза на брата, поняла, что главный хирург действительно все знает, и видимо, уже переговорил с Мишей.

Они вышли в предбанник, оставив ее одну, наедине с полной лоханью воды, чаном кипятка, свежей одеждой и мылом. Запаренные веники пахли почти как дома, разве что делали их здесь не из березы, а из чего-то еще.

Ева нещадно терла и хлестала себя, насколько хватало сил, пока весь казематный дух не испарился, а кожа не перестала сходить с нее струпьями. Волосы отмылись от грязи и пота, завились кольцами от пара, и Ева позволила себе немного понежиться в горячей воде. То, что Андрей Ионович теперь был в курсе ее тайны, пугало ее, но в то же время, словно снимало камень с души. Хотелось рассказать все как есть, повиниться, и умолять хирурга оставить ее здесь, под своим началом.

Когда она вымылась и оделась в чистое, от этого простого ощущения счастья хотелось расплакаться. Но она плеснула в лицо холодной водой, взяла себя в руки и вышла на улицу, где ее уже ждали. Миша и Андрей Ионович улыбнулись понимающе, но Еве стало совестно, что она так долго провозилась с мытьем. Так что они поспешили в лазарет, где их ждал прекрасный стол, собранный стараниями того же Василия.

– Ну, за нашего героя! – предложил Андрей Ионович, поднимая стопку с водкой.

– Казематного героя, – чуть виновато усмехнулась Ева, опрокидывая в себя стопку и крякая довольно в тон остальным. – Как вы тут без меня? Как наши пациенты? – не могла не спросить она, заодно оттягивая момент объяснений.

– Справились, Костя, – успокоил ее Андрей Ионович. – Не просто, конечно, но атак не было, отвел Господь, так что управились. Ты уж зайди к спасенному своему, – он усмехнулся в бороду. – Голову даю на отсечение, больше всех о тебе тревожился.

– К Этьену? – удивилась Ева, но потом поняла, что доктор прав. Тот теперь должен чувствовать некоторую вину. – Зайду попозже, Андрей Ионыч. Как же хорошо после бани, вы представить не можете. Ей богу, мне жаль всех заключенных из-за подобных условий.

– Некоторые попадают туда заслуженно, – покачал головой Михайловский. – Но, зная крутой нрав нашего командующего, можно догадаться, сколько там без вины виноватых. Слава богу, он отходчивый, а то у нас воевать было бы некому.

– За отходчивое начальство, – поднял стопку водки Миша, подкладывая всем отменные куски курицы в соусе. Все выпили и плотно взялись за ужин, уже без разговоров, которые возобновились, когда Василий притащил пыхтящий самовар и большую корзину сладких пирожков.

– Похоже, я должен объясниться... – все же завела разговор Ева, посмотрев на брата и на врача. – Как так получилось, что я...не совсем тот, за кого себя выдаю.

– Ты мне ничего не должен, Костенька, – тут же замахал руками Михайловский. – Просто опасно это, война...особенно для девушки, – чуть понизив голос, сказал он. – И все же я не понимаю, как? Особенно все это, твои умения, навыки, диплом.

– Ну, диплом настоящий, уверяю вас. – Ева улыбнулась, и рассмеялась, видя, как Миша закатил глаза.

– Это началось с одной семейной шутки, – сказал ее брат, поставив на стол стакан с чаем, который еще был слишком горячим. – Мы придумали еще одного брата, которым и была наша Женевьева. Она у нас всегда была сорванцом, не чета нашим сестрам. – Миша потрепал ее по плечу, и Ева смущенно опустила взгляд. Многие ее проделки действительно были скорее мальчишечьими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.